

На правах рукописи

ДРОБЧЕНКО
Владимир Александрович

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(МАРТ 1917 – НОЯБРЬ 1918 гг.)**

Специальность:
07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
на кафедре музеологии и экскурсионно-туристической деятельности

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Черняк Эдуард Исаакович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Булдаков Владимир Прохорович

доктор исторических наук, профессор
Ларьков Николай Семенович

доктор исторических наук, профессор
Макарчук Сергей Владимирович

Ведущая организация: **Институт истории СО РАН**

Защита состоится 29 мая 2009 г. в 15 часов на заседании диссертационного
совета Д 212.267.03 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет»
(634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО
«Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а).

Автореферат разослан 5 марта 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

О.А. Харусь

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Интерес к истории русской революции 1917 г., заметно возросший в последние два десятилетия, связан не только с возможностью применения качественно новых подходов к ее изучению, но и переосмыслением тех процессов, которые происходили в стране в 1917 г. и определили ее развитие как минимум на столетие.

Революции вносят качественные изменения в жизнь общества – массы людей становятся активными участниками исторического процесса, его творцами. Общественно-политическая жизнь социума в период революций еще более усложняется. Ее важным элементом становится деятельность органов самоуправления, политических партий и общественных организаций, которые вовлекают в орбиту своих интересов и амбиций различные социальные группы и слои общества, воздействуют на общественное сознание, вызывают его трансформации. Меняется и мировоззрение конкретных людей: разрушается традиционная система духовных ценностей, меняются психология и морально-нравственные ориентиры. В переломные моменты истории личностный фактор приобретает особое значение – в такие моменты человек гораздо чаще, чем в «обычные» времена, выступает в качестве активного субъекта исторического процесса.

Революция породила принципиально новые отношения между человеком, обществом и властью, потребовала законодательного урегулирования этих отношений. В 1917 г. была предпринята первая в истории России серьезная попытка создания правового государства, формирования гражданского общества. Однако запаздывание с проведением либеральных реформ вызвало углубление национального кризиса, породило массовое недовольство, содействовало усилению радикализма. Идея общественного согласия и компромисса, чрезвычайно популярная в первые революционные месяцы, сменилась идеей силового противоборства, классовой вражды и непримиримости.

Воссоздание объективной картины революции во всей ее многоплановости и многомерности невозможно без обращения к локальной истории. Локальный аспект позволяет определить специфические характеристики революционного процесса и выявить векторы общественного развития в контексте событий регионального и всероссийского масштаба.

Преодоление наследия тоталитаризма и авторитаризма, создание правового государства и гражданского общества невозможно без анализа и осмысления исторического прошлого страны и регионов на переломных этапах истории. В этих условиях представляется обоснованным и научно значимым обращение к анализу общественно-политической жизни Томской губернии в период марта 1917 – ноября 1918 г. За этот сравнительно небольшой временной отрезок регион вместе со всей страной прошел путь от монархии к военной диктатуре, пережив демократические преобразования весны – лета 1917 г., большевистскую диктатуру и «демократическую контрреволюцию».

К февралю 1917 г. Томская губерния была одним из крупнейших сибирских регионов. Она включала в себя территории современных Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, а до лета 1917 г. и территорию нынешнего

Алтайского края. Освоение природных богатств Сибири, начавшееся на рубеже XIX–XX вв., ускорило ее экономическое развитие, привело к изменению социальной структуры общества. В 1917 г. Томская губерния оказалась в числе тех регионов, в которых преобразования проходили с наибольшей остротой, вызывали резкое снижение уровня жизни, вели к обострению социальных противоречий. Особенности социально-экономического развития губернии во многом обусловили специфику общественно-политической жизни Сибири в революционный период.

Степень изученности темы. Первые попытки осмыслить развитие революционного процесса в Сибири были предприняты известными общественными деятелями края – Г.Н. Потаниным, В.М. Крутовским, Б.М. Ганом, Д.И. Розенбергом и др. В газетных и журнальных публикациях авторы характеризовали происходящие события, деятельность политических партий, общественных организаций и социальных групп и слоев, давали прогнозы на будущее. Хотя эти работы носили не исследовательский, а публицистический характер, оценки авторов были во многом субъективны и определялись их политическими ориентирами, в них тем не менее содержатся анализ изменений общественного сознания, и поэтому они представляют несомненный интерес для исследователя.

Основоположником советской историографии революции 1917 г. был В.И. Ленин, который характеризовал ее как коренную ломку общественных отношений, ведущую к смене общественно-экономических формаций. Ленин, указав на классовый характер революции и обосновав необходимость изучения деятельности классов, основных партий и общественных организаций, тем самым заложил методологические подходы к изучению революции, которые и стали определяющими для советских историков.

В последующие десятилетия в советской историографии революции доминировал жесткий классовый подход, преимущественно изучалась деятельность большевистской партии и подконтрольных ей организаций (советов, профсоюзов, фабзавкомов), а буржуазные и мелкобуржуазные партии и слои были зачислены в лагерь контрреволюции.

В 1920-х – начале 1930-х гг. первые советские исследователи революции работали над формированием источниковой базы, осуществляли подготовку и публикацию воспоминаний участников событий, занимались составлением и изданием хроник революции. В этот период предпринимались лишь отдельные попытки проведения локальных исследований по истории общественного движения в годы революции. В эту работу включились и сибирские исследователи. К десятилетию Октября были подготовлены сборники статей и воспоминаний, вышла в свет работа В. Максаква и А. Турунова «Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918)» (М.: Л., 1926). Материалы исследований были обобщены в статьях «Сибирской советской энциклопедии», вышедшей на рубеже 1920–1930-х гг.

В указанных публикациях представлен важный материал по истории общественной жизни края, содержится информация о деятельности органов самоуправления, общественных организаций и политических партий. В то же время следует отметить, что авторы, не являясь профессиональными историками, почти не использовали архивные материалы. При анализе событий общественной жизни они исходили из представлений, утвердившихся в 1920-е гг.: были убеждены в

абсолютной правоте большевистских идей, отрицали какой-либо позитивный вклад в революционный процесс буржуазных и мелкобуржуазных партий и организаций, считали неизбежным применение насилия в решении политических споров.

Жесткий идеологический прессинг, усилившийся со второй половины 1930-х и не ослабевавший до середины 1950-х гг., не позволил советским историкам, в том числе и сибирским, опубликовать в этот период сколько-нибудь значимых исследований по рассматриваемой теме.

На рубеже 1950-х–1960-х гг. профессор И.М. Разгон поставил перед сибирскими историками задачу изучения расстановки классовых и политических сил региона накануне и в период Октябрьской революции. Его коллеги и ученики внесли большой вклад в изучение многих региональных проблем, существенно расширив тематику исследований. Были проведены обобщающие исследования революции 1917 г. в регионе и в отдельных административно-территориальных образованиях. Появились историографические исследования по проблемам, связанным с темой диссертационной работы. Так, И.М. Разгон и В.С. Познанский обратились к исследованию изученности в Сибирском регионе комплексной проблемы «Великая Октябрьская социалистическая революция», М.Е. Плотникова и В.И. Шишкин – к историографии Гражданской войны в Сибири, Е.Н. Бабилова – к историографии сибирских советов периода двоевластия, В.Г. Зыкова – к историографии крестьянских организаций Сибири в период борьбы за установление Советской власти.

Существенное расширение источниковой базы, введение в научный оборот новых источников позволили сибирским историкам более детально исследовать различные аспекты общественно-политической жизни Сибири в период революции и Гражданской войны. В первой половине 1960-х гг. появились обобщающие монографии по истории революций в Сибири (В.П. Сафронов, М.М. Шорников, В.А. Кадейкин). Определенные итоги по изучению истории сибирского рабочего класса и крестьянства были подведены в коллективных монографиях сибирских историков «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период», «Рабочий класс центра страны и Сибири (конец XIX – начало XX вв.)», «Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.)», «Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг.». Под редакцией И.М. Разгона в 1987 г. вышла коллективная монография «Победа Великого Октября в Сибири». В ней обобщен труд многих исследователей, дана характеристика общественно-политической жизни Сибири, представлен анализ революционного движения, борьбы рабочих и крестьян с учетом специфики сибирских губерний и областей, а также рассматриваются вопросы борьбы политических партий за влияние на массы, за вовлечение их в политическое движение.

Составной частью истории классов, политических партий и общественного движения для сибирских историков стало изучение сибирского отряда рабочего класса и его отдельных профессиональных групп (В.Н. Большаков, Б.И. Земеров, В.П. Зиновьев, Д.М. Зольников), крестьянства (Л.И. Боженко, Л.М. Горюшкин, Г.А. Кордонский), интеллигенции (С.А. Красильников, В.Л. Соскин). Положительных результатов добились сибирские историки в изучении отдельных аспектов общественно-политической жизни Сибири. Так, Е.Н. Бабилова внесла существенный вклад в изучение органов местного самоуправления и советов

Сибири. В.А. Соловьева и В.Т. Агалаков, изучая советы Сибири, исследовали их деятельность в различных сферах общественной жизни, выявили особенности советского строительства, охарактеризовали формы и методы взаимодействия советов с большевистскими организациями и буржуазными органами власти.

Деятельность мелкобуржуазных и буржуазных партий в общественной жизни Сибири в период марта 1917–1918 гг. фактически не изучалась. Исключением является серия работ Э.И. Черняка и А.А. Бондаренко, посвященных сибирским эсерам. Первые шаги были сделаны по изучению сибирских отделов национальных партий (И.В. Нам), сибирских кадетов (Л.М. Коломыцева), народных социалистов (И.А. Шинкарьюк). Значительные результаты были достигнуты в изучении культурно-просветительной деятельности политических партий и общественных организаций среди сибирских трудящихся (Е.Н. Косых), кооперации (Б.В. Иванов), красной гвардии (К.Ф. Малыхина, И.В. Павлова), внутренней сибирской контрреволюции (В.С. Познанский).

Историки обратились к изучению лагеря контрреволюции в период Гражданской войны, попытались разобраться в причинах антибольшевистского выступления в конце мая 1918 г. и свержения Советской власти в Сибири. М.Е. Плотникова в ряде работ обратилась к характеристике контрреволюционных сил Сибири, определила роль эсеров в подготовке антисоветского мятежа, исследовала их связи с областниками, впервые проанализировав социальную базу контрреволюционных режимов Сибири в доколчаковский период, выдвинула вопрос о хронологических границах «демократической контрреволюции». К деятельности Западно-Сибирского комиссариата и Временного Сибирского правительства обратились В.В. Гармиза и С.Г. Лившиц. Их работы расширили представления о практических действиях сибирских эсеров и меньшевиков, о формах и методах противоборства основных политических группировок в Сибири в 1917–1918 гг.

В конце 1950-х–середине 1980-х гг. сибирскими историками был выявлен, обработан и введен в научный оборот огромный фактический материал по истории общественно-политической жизни Томской губернии в 1917–1918 гг., создана источниковая база, постоянно происходило наращивание научного знания. Однако серьезный отпечаток на исследования накладывала мифологизация Октября. При характеристике общественного движения преувеличивалась роль большевистской партии, отсутствовал объективный анализ деятельности органов самоуправления, односторонне освещалась деятельность буржуазных и мелкобуржуазных партий. Социально-психологические и личностные факторы развития общественного движения в проведенных исследованиях не учитывались.

С конца 1980-х гг. начался новый этап в развитии отечественной исторической науки. Преобразования, начатые в стране в период «перестройки», пробудили в обществе интерес к революционному прошлому. На рубеже 1980–1990-х гг. были опубликованы ранее недоступные труды лидеров оппозиционных или враждебных большевикам политических объединений, работы российских мыслителей, а также зарубежных историков, в которых были представлены точки зрения на события 1917–1918 гг. кардинально отличающиеся от марксистской. Появились издания энциклопедического характера, посвященные политическим партиям и их лидерам.

Освобождение от идеологических стереотипов позволило историкам качественно изменить подходы как к изучению истории революции в целом, так и отдельных ее аспектов. Переосмысление исторического прошлого идет через использование новых методологических разработок, основывающихся на отказе от монополии на истину, на признании многомерности исторического пространства и инвариантности его оценок.

Появились сторонники социокультурного и психологического подходов. Так, В.П. Булдаков в монографии «Красная смута. Природа и последствия социального насилия» (1997), статьях и выступлениях поставил перед собой задачу исследовать революцию через призму психологии масс. По мнению исследователя, Октябрь необходимо рассматривать не только как итог деятельности политических партий, а скорее как результат органического синтеза большевизма с массовой психопатологией, а русскую революцию – как дело рук «маленького» человека, потерявшего себя вне привычных социумов.

Стремление сибирских историков расширить методологический инструментарий исследования проблем революции 1917 г. нашло свое отражение в работах В.П. Зиновьева, С.А. Красильникова, Б.Г. Могильницкого, Э.И. Черняка, М.В. Шиловского, В.И. Шишкина и др., а также в материалах региональных конференций: «Историческая наука на рубеже веков» (Томск, май 1998 г.), «Социальные конфликты в истории России XX века» (Омск, октябрь 2004 г.), «Сибирское общество в период социальных трансформаций» (Томск, октябрь 2005 г.), «История идей и история общества» (Нижевартовск, март 2006 г.), «Русская революция в контексте истории» (Томск, ноябрь 2007 г.).

Многие сибирские историки высказали мнение о необходимости более глубокого и всестороннего изучения революционных разломов, изменивших ход российской истории. В последние годы существенно расширилась тематика исследований. Значительно повысился интерес к изучению сибирских отделов непролетарских партий и объединений: кадетов (Л.М. Коломыцева), эсеров (А.В. Добровольский), анархистов (А.А. Штырбул), областников (М.В. Шиловский). В их работах проанализирована роль партийных организаций в общественно-политической жизни региона, охарактеризованы формы и методы борьбы за массы, определена степень их влияния на органы местного самоуправления и общественные организации. Интересны и содержательны работы О.А. Харусь, направленные на реконструкцию социокультурного облика сибирских либералов и анализ их идеологических установок. Она исследовала связи сибирских кадетов с областниками, выявила специфику подходов сибирских либералов к проблемам государственного устройства и общественного примирения, охарактеризовала формы политической организации сибирской буржуазии в дореволюционный период.

Значительные результаты достигнуты в изучении неформальных общественных формирований. Так, Е.А. Дегальцева в контексте теории модернизации рассмотрела формирование и деятельность общественных организаций в Сибири в дореволюционный период как зарождение институтов гражданского общества.

Интересны работы, связанные с характеристикой социальной структуры сибирского общества, его слоев и классов. В.П. Зиновьев использует новые

подходы в изучении сибирского рабочего класса. В работах последних лет ученый обратился к реконструкции социально-политического облика сибирского пролетариата, выявил ряд специфических черт, существенно повлиявших на развитие политических процессов в регионе.

В.Г. Зыкова и Т.В. Якимова в исследованиях, посвященных сибирскому крестьянству, затрагивают широкий круг вопросов, связанных с характеристикой органов сельского самоуправления, крестьянских политических и экономических организаций. Существенные результаты были достигнуты в изучении деятельности сельских комитетов, земств, крестьянских союзов. Анализ решений крестьянских съездов позволил авторам проследить эволюцию политических настроений крестьянства, выявить причины трансформации его политических взглядов. Н.Ф. Иванцова в комплексном исследовании социально-экономических и политических процессов в западносибирской деревне в период 1917 – начала 1918 гг. показала специфику развития крестьянства, определила динамику политических настроений и отношений крестьянства к преобразованиям общественной жизни на разных этапах революции, охарактеризовала деятельность массовых крестьянских организаций, выявила соотношение революционных и реформистских методов в проведении крестьянством в жизнь аграрного законодательства.

Заслуживают внимания исследования И.В. Нам по истории национальных меньшинств Сибири. Автор обратилась к характеристике национальных организаций и движений на различных этапах революции, проанализировала их отношения с властными структурами, выявила связь национальных движений с областничеством, в развитии показала борьбу за создание национальных автономий. Работы И.В. Нам позволяют более полно определить место и роль национальных движений и организаций в общественной жизни Томской губернии в период революции.

Весомых результатов в изучении истории административного и культурного центра Томской губернии добилась Н.М. Дмитриенко. В работах последних лет исследователь, существенно расширив круг изучаемых вопросов, обратилась к проблемам городского самоуправления, к характеристике городских слоев, выделив как самостоятельную группу средний класс. Социальные изменения в обществе Н.М. Дмитриенко рассматривает как переход «от сословной к классовой иерархии». Такой подход помог исследователю более полно охарактеризовать общественную жизнь города, участие в ней представителей различных слоев населения.

Интересные результаты достигнуты за последние два десятилетия в исследовании Гражданской войны в Сибири. Историки существенно продвинулись вперед в изучении политической жизни региона и сибирских органов государственной власти. Введение в научный оборот большого числа ранее неизвестных фактических данных, использование новых методологических подходов привели и к появлению новых выводов.

В последние годы значительно расширилась проблематика исследований. В статьях, диссертациях, монографиях В.В. Журавлева, С.П. Звягина, Е.В. Лукова, А.Н. Никитина, В.М. Рынкова, Д.Г. Симонова, Л.А. Шиканова, В.И. Шишкина были освещены такие вопросы, как создание центральных и местных органов власти Временного Сибирского правительства, представлены персональный состав

высших эшелонов власти, структура органов военного управления и судебной системы, взаимоотношения центральных и местных органов власти, военных и гражданских властей, изучена аграрная и финансовая политика правительства. Большое внимание исследователи уделили анализу нормативно-правовой базы сибирских правительств, их партийно-политического состава и борьбы внутри Временного Сибирского правительства.

Существенный вклад в изучение белого движения внес Н.С. Ларьков. Ученый, исследуя общественно-политические силы региона на первых этапах Гражданской войны, обратился к проблемам конфликта внутри антибольшевистских сил, определил степень влияния на эволюцию сибирской власти военных и неформальных общественных объединений. Н.С. Ларьков указал на неоднородность «сибирской контрреволюции», выделив, в отличие от предшественников, в ее составе не два, а три течения («правое», «левое» и «центр»), и указал на необходимость более детального изучения влияния «центристов» на формирование сибирской власти и их участия в ней.

Определенные итоги изучения общественно-политической жизни Сибири подведены в работах обобщающего характера. Так, в монографии Э.И. Черняка «Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года)» (Томск, 2001) показана расстановка классовых и политических сил в регионе, раскрыто содержание и структура общественно-политической жизни, определены уровень общественной активности и направленность развития массового политического сознания основных социальных слоев населения региона в менявшихся общественно-политических условиях 1917–1918 гг.

Одним из заметных явлений в сибирской исторической науке стала монография М.В. Шиловского «Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. (Новосибирск, 2003). В ней подробно рассматриваются политические процессы в регионе с момента свержения самодержавия в феврале 1917 г. и до образования Дальневосточной Республики (февраль 1920 г.). Автор исследовал деятельность местных отделов политических партий и организаций, формирование политических блоков и группировок, их борьбу за реализацию альтернативных вариантов власти. Ученый рассматривал борьбу за власть в регионе противоборствующих группировок элиты с точки зрения выявления основных социокультурных параметров и характеристик психоментальности.

Современные подходы, направленные на объективное и всестороннее изучение исторического процесса, введение в научный оборот новых источников обеспечили достижение значительных результатов в изучении отдельных направлений социально-политической жизни Сибири в 1917–1918 гг. Довольно подробно историками освещена структура и деятельность сибирских отделов ведущих политических партий, советов, профсоюзов, рабочих и крестьянских организаций, национальных движений, основных социальных групп сибирского населения. Исследованы такие формы проявления общественной жизни региона, как съезды, конференции, независимая пресса, акции социального протеста.

Степень научной разработки темы, ее актуальность и научная значимость определили **цель исследования** – реконструкция процесса социально-политической

трансформации локализованного границами Томской губернии социума в период от марта 1917 до ноября 1918 гг. Исходя из намеченной цели, автор ставит перед собой следующие **задачи**:

- исследовать социокультурные условия существования и развития общественно-политических движений в Томской губернии в 1917–1918 гг.;
- определить правовую основу общественно-политической деятельности основных социальных групп населения региона в 1917–1918 гг.;
- показать в динамике процесс создания и функционирования органов местного самоуправления, советов, отделов политических партий, общественных организаций в Томской губернии от марта 1917 к ноябрю 1918 гг. с учетом их количественных и качественных характеристик;
- реконструировать механизм взаимодействия и взаимовлияния общественных организаций и государственных структур;
- определить степень влияния различных общественно-политических сил (партий, организаций, движений) на изменения в социально-экономической и социокультурной сферах жизни региона;
- выявить психоментальные особенности основных социальных групп населения Томской губернии и проанализировать причины смены их политических симпатий и психосоциальных мотиваций.

Объект исследования составляют общественные и политические объединения (органы местного самоуправления, отделы политических партий, общественные организации), **предметом исследования** стали социально-политические процессы, происходившие в регионе в ходе взаимодействия власти, слоев и групп социума.

Территориальные рамки исследования охватывают Томскую губернию в ее границах лета 1917 г. (после выделения из нее Алтайской губернии).

Хронологическими рамками исследования являются Февральская революция и установление колчаковской диктатуры в ноябре 1918 г. Для системного анализа выделены три подпериода: 1) март – октябрь 1917 г.; 2) ноябрь 1917 – май 1918 гг.; 3) май – ноябрь 1918 г. Границами подпериодов являются: Февральская революция, Октябрьское вооруженное восстание, выступление чехословацкого корпуса и установление диктатуры адмирала А.В. Колчака. Хотя политический процесс в центре страны и в Сибири не всегда совпадал по времени, ключевые события, взятые в качестве пограничных точек, существенно влияли на характер общественного движения, расстановку сил в регионе, накладывали отпечаток на психосоциальные установки масс.

Методологические принципы и методы. В общеметодологическом отношении диссертационное исследование базируется на материалистическом понимании истории и тех положениях марксистской теории, которые не утратили своего научного значения в настоящее время. Отказ от догматических подходов и критическое использование марксизма способствуют решению поставленных задач.

Недостатки марксистского подхода (представление об истории как о всеобщем однолинейном процессе, чрезмерный упор на экономическую сторону развития общества, жесткий классовый подход, утопическая цель всеобщего равенства и т.д.) преодолевает использование иных подходов и методов. Так, цивилизационный подход с его представлениями об истории как многолинейном,

многовариантном процессе дает возможность глубже понять исторические процессы, их особенности. Такой подход способствует выявлению самоценности общества, его места в мировой истории и культуре, позволяет исследовать социальную психологию, этнические процессы, т.е. те характеристики, которые определяют особенности жизнедеятельности конкретного социума на конкретном временном отрезке.

Для нашего исследования важным является положение цивилизационного подхода к истории, связанное с выделением понятия индустриального общества как определенной стадии общественного развития, характеризующейся целостностью материальной и духовной жизни в определенных пространственных и временных границах. В свете цивилизационного подхода российская революция 1917 г. рассматривается как этап более значительного социально-экономического процесса – трансформации России из аграрной страны в индустриальную. Сочетание формационного и цивилизационного подходов позволяет глубже отразить многомерность и многоплановость исторического процесса.

При анализе социальных слоев и групп, характеристике их умонастроений и взглядов использовалась бурно прогрессирующая в последнее время теория ментальностей. Ее использование позволило исследовать связи и отношения между обществом, социальной группой и индивидуумом через призму мироощущений, определить психоментальные особенности социальных групп, выявить причины изменений их политических симпатий и психосоциальных мотиваций на переломных этапах истории.

Исследование заявленной проблемы велось на основе междисциплинарного синтеза. Один из ключевых в историческом познании – комплексный подход был реализован автором в анализе всей совокупности источников. При характеристике общественно-политической жизни Томской губернии, сопоставлении развития политического процесса в различных регионах страны, а также выявлении общих и специфических черт, свойственных различным периодам его развития применялись сравнительно-исторический и историко-типологический методы. Историко-социологический и биографический анализ нашел широкое применение при исследовании персоналий деятелей общественного движения в регионе. Элементы контент-анализа были использованы автором при работе с периодической печатью с целью выяснения реакции различных групп населения, общественных организаций и политических партий на конкретные события. Характеристика психологических мотиваций социальных слоев и групп основана на применении элементов психологического анализа.

Теоретико-методологическая основа работы определила ее концепцию, суть которой заключается в признании значимости всех форм общественной активности населения в общественно-политическом развитии края, их взаимовлияния и взаимодействия.

Источниковая база исследования. Источниковую базу исследования составили опубликованные и неопубликованные сведения, включающие в себя законодательные и распорядительные акты, статистические данные, делопроизводственную документацию, документы и материалы политических партий и общественных организаций, периодическую печать, информацию личного происхождения (воспоминания, дневники, переписка).

Из опубликованных источников наиболее важны законодательные, нормативные акты и распорядительные документы органов власти всех уровней, деловая документация органов местного самоуправления, решения съездов и конференций, программные документы политических партий и общественных организаций.

В качестве одного из базовых источников привлекались периодические издания различных политических направлений. В работе использованы материалы 104 изданий сибирской периодической печати 1917–1918 гг., включая 81 наименование газет и 23 – журналов.

Периодическая печать освещала все сколько-нибудь важные события в стране и регионах. После февраля 1917 г. в газетах, независимо от их политической направленности, сообщалось о формировании органов самоуправления, об образовании советов и общественных организаций, приводились данные об их составе, структуре, численности, функциях, деятельности. Периодическая печать представляет особую ценность как источник по истории общественных организаций, документы о которых отсутствуют в архивных фондах.

Для решения поставленных задач был использован широкий круг неопубликованных архивных материалов, извлеченных из 38 фондов 6 центральных и региональных архивов. Наиболее значимые материалы по теме исследования хранятся в фондах Государственных архивов Российской Федерации (ГАРФ), Кемеровской области (ГАКО), Новосибирской области (ГАО), Томской области (ГАТО), Центре документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО).

Среди архивных материалов следует выделить документы об организации и деятельности органов местного самоуправления, советов, политических партий, общественных организаций, их количественном и социальном составе, формах деятельности. Особый интерес представляют документы, характеризующие ситуацию на местах. Это приговоры и решения крестьянских сходо, волостных и уездных собраний и съездов, протоколы заседаний органов местного самоуправления, донесения с мест о настроениях различных социальных групп, о реакции на различные события регионального и всероссийского масштаба.

Важную роль в изучении общественно-политической жизни Томской губернии в марте 1917 – ноябре 1918 гг. сыграли воспоминания и письма непосредственных участников революционных событий. Они содержат ценные сведения об общественно-политической жизни региона, в них представлена масса конкретных деталей, которые оставались за рамками официального документа и газетной публикации. Источники личного происхождения, воссоздавая «портреты» участников общественного движения, характеризуя их личные качества, позволяют более полно ощутить «дух эпохи», наполнить ее конкретным содержанием. Однако следует учитывать, что на достоверность и полноту представленных сведений во многом влияла личность автора, его политическая ориентация, непосредственная роль в описываемых событиях, а также условия (время, место) написания текста.

Использование как новых, так и уже известных источников, потенциал которых недостаточно полно был исчерпан предшественниками, позволило не только существенно расширить фактическую базу исследования, но и скорректировать и переосмыслить устоявшиеся представления о деятельности органов местного самоуправления, политических партий, общественных

организаций, о социальных ожиданиях различных слоев населения на различных этапах революции. Системное и критическое использование всего комплекса источников, сопоставление данных различных по характеру и идеологическому содержанию источников, стали основой для достижения поставленной цели и позволили осуществить исследование общественно-политической жизни Томской губернии в марте 1917 – ноябре 1918 гг.

Научная новизна исследования состоит в том, что оно является первым в отечественной историографии исследованием всех сторон и направлений общественно-политической жизни Томской губернии в период марта 1917 – ноября 1918 гг.

1. Изучены социокультурные условия существования и развития общественно-политических движений в Томской губернии в 1917–1918 гг.

2. В комплексе прослежены формирование и деятельность элементов гражданского общества в Томской губернии от марта 1917 к ноябрю 1918 гг.

3. Существенно дополнены сведения о территориальном размещении, времени возникновения, структуре, численности и составе органов местного самоуправления, Советов, отделов политических партий и общественных организаций Томской губернии в марте 1917 – ноябре 1918 гг., начиная с их низовых образований.

4. Выявлены новые существенные факты общественно-политической жизни Томской губернии в марте 1917 – ноябре 1918 гг.

5. В контексте характеристики общественного движения реконструирован механизм взаимодействия и взаимовлияния органов власти, политических партий и общественных организаций, определена степень влияния различных общественно-политических сил (партий, организаций, движений) на изменения в социально-экономической и социокультурной сферах жизни Томской губернии в различные периоды развития революции.

6. Проведено исследование мотивации политических и психосоциальных установок основных социальных групп населения Томской губернии в различных общественно-политических условиях, с учетом социальных, профессиональных, национальных, социокультурных факторов общественной жизни исследован механизм внутренней конфликтности общественного движения в Томской губернии в марте 1917 – ноябре 1918 гг.

7. Доказана несостоятельность ряда существовавших оценок общественно-политической жизни региона: о деятельности органов местного самоуправления, о степени влияния тех или иных политических партий, о взаимоотношениях рабочего класса, крестьянства и городских средних слоев, о деятельности общественных организаций служащих и интеллигенции, об отношении масс к Советской власти весной – летом 1918 г.

Научно-практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования при подготовке обобщающих трудов по истории революции и Гражданской войны в Сибири, при разработке учебных курсов и спецкурсов по истории общественно-политической жизни региона в 1917-1918 гг.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на заседании кафедры музеологии и экскурсионно-

туристической деятельности Томского государственного университета, результаты исследований изложены в докладах на 52 международных, общероссийских и региональных конференциях в Барнауле, Кемерове, Красноярске, Нижневартовске, Омске, Томске, Анжеро-Судженске. Предварительные результаты исследования опубликованы в четырех монографиях, статьях и тезисах докладов (свыше 100 работ).

Структура диссертации определяется целью, задачами исследования и логикой изложения результатов. Работа включает введение, шесть глав, заключение и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснованы актуальность, научная значимость темы, новизна исследования, дана оценка изученности темы, обозначены цель и задачи, объект и предмет, хронологические и территориальные рамки работы, охарактеризованы методология и методы, источниковая база исследования.

В главе 1 **«Экономические и социокультурные условия развития общественно-политической жизни в Томской губернии в 1917 – 1918 гг.»** показано влияние модернизационных процессов на все стороны общественной жизни губернии, представлен анализ условий существования и развития общественно-политических движений, выявлены особенности развития Томской губернии к 1917 г.

В **первом разделе** характеризуется структура населения Томской губернии, определены источники его формирования, численность, размещение. Модернизация, развернувшаяся в России на рубеже XIX–XX вв., вела к ломке традиционных социальных структур и складыванию новых классов, слоев и групп. Все более заметную роль в общественно-политической жизни края стали играть буржуазия, пролетариат и средние городские слои. Однако к 1917 г. в Томской губернии, как и во всей стране, процесс классовообразования был еще далек до своего завершения. В то же время в губернии уже сформировались основные группы населения, которые все четче осознавали свои интересы и стремились к их реализации, используя для этого различные формы общественной активности. Различия в материальном положении, образовательном и культурном уровне, в условиях жизни стали причиной социальных противоречий и межклассовых конфликтов.

Во **втором разделе** представлен анализ и выявлены основные тенденции и особенности экономического развития Томской губернии, сельского хозяйства, промышленности и торговли.

На рубеже XIX–XX вв. после строительства Транссибирской магистрали ускорилась индустриализация Сибири, которая шла параллельно с промышленным переворотом в догоняющих отраслях экономики и первоначальным накоплением в аграрной сфере. Магистраль более тесно связала регион с центром страны. Возрос приток капитала и рабочей силы из Европейской России, началось проникновение иностранного капитала.

К началу XX в. Сибирь оставалась поставщиком сырья. Во второй половине XIX – начале XX в. главной целью государства и капитала в Сибири являлось

продукция сельского хозяйства, которое в 1913 г. дало 2/3 стоимости продукции края, а промышленность – только ¼. В аграрном секторе было занято до 90 % населения. На развитие сибирского сельского хозяйства существенное влияние оказали такие факторы, как отсутствие помещичьего землевладения, наличие свободных земель, массовое переселение крестьян из Центральной России и развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Сибири шло более быстрыми темпами, чем в центре, и здесь вплоть до 1917 г. сохранялись пережитки государственного феодализма, в основе которых лежало государственное и кабинетское землевладение.

В начале XX в. экономика Томской губернии развивалась довольно быстро, модернизация затронула все ее отрасли, но лидировало сельское хозяйство. В экономике сохранялась многоукладность, параллельно с фабриками действовали мануфактуры и мелкотоварное производство. Наиболее быстро техническое перевооружение происходило в отраслях, связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции, и угледобыче, но и к 1917 г. технический переворот был далек от завершения. В годы Первой мировой войны более быстрыми темпами шло развитие отраслей, работающих на оборону, ускорились процессы монополизации и акционирования. Однако война выявила и слабые стороны сибирской экономики, показала ее неспособность в полном объеме удовлетворять потребности населения региона.

В *третьем разделе* содержится характеристика общественной жизни Томской губернии в начале XX в.

Экономическая модернизация привела к усложнению социальной структуры общества, формированию новых групп, которые, все четче осознавая свои интересы, стремились их реализовать, демонстрируя различные формы общественной активности. Вовлечение в общественную жизнь различных социальных слоев также было связано с развитием образования и культуры.

На рубеже XIX–XX вв. интенсивно расширялась сеть образовательных учреждений в Сибири. С 1894 по 1911 гг. количество начальных учебных заведений в Сибири возросло на 167,2 %, тогда как по России – лишь на 66,2 %. Однако, несмотря на столь бурный рост числа образовательных учреждений, по охвату детей первоначальным обучением сибирские регионы сильно отставали от центральных районов страны. По стране в целом к 1 января 1915 г. начальным обучением был охвачен 51 % детей, а в Сибири – только 39 %. В 1917 г. оставались неграмотными 69,9 % рабочих угольных копей Кузбасса, 73,9 % – на золотых рудниках, 63,9 % – на железных дорогах. Уровень образования крестьян был существенно ниже соответствующего показателя рабочих. В Томской губернии в 1917 г. среди переселенцев было 17,8 % грамотных, а среди старожилов – 10,7 %.

Усложнение социальной структуры общества вело к осознанию представителями различных слоев и групп своих интересов и выразилось в создании ими организаций, выражающих эти интересы. По нашим подсчетам, к 1917 г. в Томской губернии действовало не менее 262 общественных организаций (без учета кооперативных и профсоюзных). 170 из этих организаций (64,8 %) находились в Томске, 32 (13 %) – в уездных центрах, 48 (18,3 %) – в безуездных городах, 2 (0,8 %) – в рабочих поселках и 8 (3 %) – в сельской местности. Абсолютное большинство этих организаций были благотворительными (69 – 26,3%)

и культурно-просветительными (124 – 47,3%). Степень активности этих организаций была различна. Часть из них играли весьма заметную роль в культурной жизни губернии.

Огромную роль в политическом просвещении масс сыграла Первая русская революция. Подъем общественной активности выразился в массовых акциях протеста против правительственной политики, создании отделов либеральных партий. Окрепла и расширилась сеть нелегальных организаций. В годы революции в губернии зародилось и стало организационно оформляться профессиональное и молодежное движение. Ускорила консолидация национальных диаспор. Томск стал центром сибирского либерализма, особенностью которого было его тесное переплетение с областничеством. Более того, областничество стало платформой для сотрудничества либеральных и революционных сил. Был накоплен внушительный опыт политической борьбы, который оказался востребован и реализован уже в другой исторической ситуации.

Под влиянием Первой мировой войны углубилась дифференциация не только между нарождающимися классами капиталистического общества, но и внутри менее крупных социальных групп. Неустойчивость социальных институтов усиливала классовые противоречия и порождала надежды на перемены. Низкий уровень образования и, соответственно, правовой и политической культуры значительной части населения стал благоприятной почвой для укоренения социальных утопий, обусловил стремление к радикальному решению имеющихся проблем, вплоть до применения насилия.

В главе 2 **«Формирование и деятельность органов местного самоуправления Томской губернии в марте 1917 – марте 1918 гг.»** характеризуется формирование и деятельность органов власти в губернии: комитетов общественной безопасности, народных собраний, земств, советов.

В *первом разделе* анализируется реакция населения Томской губернии на свержение самодержавия, участие представителей различных слоев и групп в создании органов власти на местах. Уже в первые мартовские дни 1917 г. началось формирование органов местного самоуправления, которые получили общее название – комитеты общественной безопасности (КОБы). Они стали первым опытом подлинной демократии на региональном уровне. Созданные на волне революционного подъема КОБы представляли собой многопартийную демократическую коалицию, пытавшуюся реализовать идею классового мира. Содержанием их деятельности стал поиск компромисса между различными социальными группами, направленный на реализацию гражданских прав и свобод, а в итоге на создание правового государства и гражданского общества. КОБы, ставшие стихийным воплощением идеи «народовластия», выдвинулись в центр борьбы за местную власть.

Поскольку Временное правительство медлило с официальным признанием комитетов в качестве органов власти на местах, в ряде случаев инициативу по формированию легитимных муниципальных структур перехватили губернские и областные КОБы. В середине марта в Томском губернском комитете был разработан проект создания органов местного самоуправления – губернского, уездных и городских народных собраний.

Выборы в народные собрания растянулись до середины лета 1917 г. Губернское народное собрание открылось 20 апреля. В Мариинске уездное народное собрание начало работу уже 21 марта, в Новониколаевске – 25 апреля, в Тайге – в начале мая, а на Судженских копях – только к концу июля. К середине лета 1917 г. в Томской губернии повсеместно КОБы были заменены исполнительными комитетами, на которые возлагалось выполнение решений народных собраний. Таким образом, в губернии оформилась новая структура органов местной власти. Высшими законодательными органами стали губернское, городские, уездные и волостные народные собрания, а исполнительными – соответствующие исполнительные комитеты.

Губернский, уездные, поселковые исполнительные комитеты, являясь реальной властью на местах, пытались не допустить роста социальной напряженности. В целом их деятельность сводилась к поиску компромисса между различными слоями общества, они проявили готовность к сотрудничеству со всеми общественными организациями и социалистическими партиями. Характерным явлением весны – начала осени 1917 г. стало взаимодействие и сотрудничество исполнительных комитетов и советов разных уровней в решении проблем различных групп населения.

Губернское народное собрание стало первым опытом регионального парламента в России, созыв которого был осуществлен на демократической законодательной базе. Попытка создания вертикали власти, предпринятая в Томской губернии в первой половине 1917 г., являлась выражением либеральной идеи о создании органов народного представительства, обладающих широкими полномочиями по решению вопросов местной жизни. И КОБы, и народные собрания фактически являлись переходными структурами, которые брали на себя функции государственных органов в условиях падения монархии.

Весной – летом 1917 г. Временное правительство приняло ряд нормативных актов, регламентировавших деятельность органов местного самоуправления, на основе которых потребовало от губернских и уездных комиссаров закончить проведение городских выборов в июне – июле, а земских – не позднее сентября 1917 г.

В Томской губернии с лета 1917 г. началась активная работа по организации выборов в соответствии с принятыми законами. Выборы в городские думы в губернии растянулись с конца июня (Кузнецк) до начала ноября (Новониколаевск). В сентябре – ноябре 1917 г. проводились выборы в губернское, уездные и волостные земства. К концу ноября были избраны и начали действовать волостные земства в ряде сел Каинского, Кузнецкого Новониколаевского уездов. Однако к ноябрю 1917 г. земства были созданы едва ли в половине волостей Томской губернии. Процесс формирования сельских и волостных земств в губернии растянулся до января 1918 г.

Во время кампании по выборам в земство в Петрограде произошло вооруженное восстание. Переход власти к советам изменил расстановку сил на местах. В большинстве рабочих поселков органы местного самоуправления сразу же были распущены. Иной была ситуация в уездных центрах и сельской местности. Губернским и уездным советам приходилось работать в контакте с волостными земскими управами при решении хозяйственных вопросов.

С конца января 1918 г. большевистское руководство Томской губернии в соответствии с директивами взяло курс на полную ликвидацию земств. Весной 1918 г. уездные крестьянские съезды в Кузнецке, Мариинске и Томске приняли решения о роспуске земств. К концу марта в большинстве сел губернии земства были распущены.

С марта по октябрь 1917 г. в Томской губернии органы местного самоуправления последовательно были представлены комитетами общественной безопасности, народными собраниями и земствами. Они стремились действовать в интересах населения, но им не удалось воплотить в жизнь идею социального мира. Всем им пришлось действовать в фарватере политики Временного правительства, а оно не спешило с решением наиболее острых вопросов русской жизни. Другой серьезной проблемой, с которой пришлось столкнуться органам самоуправления, был низкий уровень правового сознания и политической культуры населения. Это ярко проявилось в уклонении от уплаты налогов, отказе от общественных повинностей, массовом самогоноварении, росте преступности, самосудах.

В условиях нарастающего социального конфликта идея демократической коалиции осталась нереализованной. Ни центральной, ни местной власти не удалось оправдать социальные ожидания масс. Переход власти в руки советов привел к ликвидации органов местного самоуправления, которые к тому времени утратили народную поддержку.

Во *втором разделе* представлена характеристика советов, выявлены особенности их формирования и функционирования в городах, уездных центрах, рабочих поселках и сельской местности Томской губернии, исследована эволюция их взаимоотношений с органами власти, политическими партиями, общественными организациями на различных этапах революции, показано их становление в качестве властных структур.

Параллельно с комитетами общественной безопасности в городах и рабочих поселках Сибири создавались советы рабочих и солдатских депутатов. В марте – апреле 1917 г. советы были образованы на всех крупных предприятиях и в большинстве уездных центров Томской губернии. В дальнейшем в строительство советов включились рабочие отдаленных приисков и небольших станционных поселков. С лета началось создание советов крестьянских депутатов.

С марта 1917 по май 1918 гг. советы Томской губернии прошли путь от общественных организаций, представлявших интересы трудящихся, до органов государственной власти. Существенно изменились при этом не только функции советов, но и отношение к ним народных масс. Весной – летом 1917 г. советы вели борьбу с предпринимателями за улучшение условий труда и быта, осуществляли культурно-просветительную деятельность, содействовали развитию производства. Советы, решая эти задачи, тесно сотрудничали с органами местного самоуправления, общественными организациями, политическими партиями. До осени 1917 г. они фактически не выдвигали политических требований, не претендовали на власть.

После Февраля сибирские трудящиеся видели в советах органы революционного контроля над правительством. По мере углубления революции и размежевания политических сил советы превращались в альтернативные органы, противопоставляемые радикалами Временному правительству и местным

демократическим органам власти. Идея передачи власти советам наибольшую поддержку нашла в рабочих коллективах, представители которых входили в местные советы и требовали углубления революционных преобразований. В промышленных центрах советы, направлявшие свою деятельность на решение жизненно важных проблем, получили поддержку значительной части рабочих. Именно рабочие стали той силой, на которую опирались большевики в борьбе за переход власти к советам. Основными причинами перехода власти к советам в Томской губернии стали события в центре, деятельность сибирских большевиков, кризис доверия к демократическим органам власти и рост массового недовольства, связанные с несбывшимися социальными ожиданиями.

Переход власти в руки советов привел к тому, что они превратились в органы государственной власти, были включены в вертикаль властных структур. Советы, выполняя директивы центра, уже не могли эффективно защищать интересы трудящихся. Их усилия были направлены на организацию производства и укрепление трудовой дисциплины. Местные советы превратились в первичное звено большевистской диктатуры. Ограничение демократических свобод, борьба с инакомыслящими, подчинение общественных организаций, использование силовых методов при проведении своей политики оттолкнули массы от советов. К лету 1918 г. сибирские рабочие и крестьяне уже не видели в советах выразителей своих интересов, все больше разочаровывались в их политике.

В главе 3 **«Политические партии и движения Томской губернии в марте 1917 – мае 1918 гг.»** показано создание отделов политических партий, проанализированы формы и методы их работы в массах, властных структурах и общественных организациях, исследовано развитие межпартийных отношений, складывание межпартийных блоков и коалиций, выявлены причины нарастания внутри- и межпартийных разногласий, определены результаты воплощения в жизнь партийных программ и установок.

В *первом разделе* рассматривается складывание демократической коалиции весной 1917 г., проанализированы причины возникновения и углубления межпартийных разногласий в период марта – октября 1917 г. В Томской губернии, как и по всей стране, весной 1917 г. шел бурный рост партийных организаций, росли их количество и численность, проводились съезды общественно-политических объединений. Представители политических сил включались в работу органов местного самоуправления и общественных организаций.

Идея единения, сотрудничества различных социальных слоев, политических и общественных организаций была весьма популярна в первые месяцы после Февраля. В марте 1917 г. в Томской губернии стала складываться коалиция демократических сил, взявшая курс на решение жизненно важных вопросов. В этот период межпартийные разногласия отошли на второй план, партии стремились к объединению сил для закрепления завоеваний революции и проведения демократических преобразований. Весной 1917 г. во время выборов в народные собрания межпартийная борьба не выходила за рамки политической дискуссии.

Наиболее тесным весной – летом 1917 г. было сотрудничество эсеров и социал-демократов. Они преобладали в руководстве органами местного самоуправления, советами, профсоюзами. Блок эсеров и социал-демократов лидировал на выборах в народные собрания.

К лету 1917 г. усилились противоречия внутри объединенных социал-демократических организаций. Большевики все жестче критиковали политику правительства, требовали перехода власти к советам. Им удалось укрепить свои позиции среди солдат и рабочих Томска и промышленных центров. Усилились позиции большевиков и в руководстве объединенных организаций. Большевики использовали нарастающее недовольство масс, становились выразителями интересов наиболее радикальных слоев. Поддержка большевиков в рабочей среде была во многом обусловлена той антибуржуазной пропагандой, которая широко развернулась в стране.

Политизация масс в Сибири во многом была связана с развитием событий в центре и политической борьбой на местах. Важными вехами на этом пути стали июльские события в Петрограде и корниловщина. К осени 1917 г. большевикам удалось укрепить свои позиции среди рабочих Томска, Новониколаевска, промышленных центров Кузбасса, но все же они не имели массовой общественной поддержки и шансов прийти к власти демократическим путем. В связи с этим большевики Томской губернии проявляли готовность к компромиссам.

После июльских событий 1917 г. одной из главных задач сибирских организаций меньшевиков и эсеров стала борьба с большевизмом. Однако и внутри этих партий не было полного единства. К концу лета 1917 г. еще заметнее стали проявляться внутренние противоречия в организациях ПСР. Нарастающий радикализм масс содействовал укреплению позиций левого крыла эсеров. Все же эсеры и меньшевики еще сохраняли свое влияние над значительной частью рабочих, их поддерживали служащие и интеллигенция.

С жесткой критикой на большевиков обрушились кадеты и идеологи сибирского областничества. Сами областники выступали с надклассовых позиций, они стремились объединить организации политических партий, советы, земские и кооперативные органы, профсоюзные и национальные объединения под лозунгом автономии Сибири. На этой почве сблизилась позиция сибирских кадетов и эсеров.

К ноябрю 1917 г. оформились основные политические группировки, между которыми и развернулась борьба за влияние на массы. Отличительной чертой политической жизни Томской губернии от центра страны и других сибирских регионов в этот период было более тесное сотрудничество социалистов и кадетов, подхвативших лозунги сибирского областничества. Слабость большевистских сил определила готовность большевистских лидеров губернии к компромиссам, к сотрудничеству с другими политическими силами.

Во *втором разделе* представлена характеристика межпартийных отношений в ноябре 1917 – мае 1918 гг. Установление Советской власти в Томской губернии имело свою специфику. Томские большевики, не имея достаточных сил в городе и губернии, пошли на союз с меньшевиками и эсерами, создав 27 октября 1917 г. коалиционный революционный комитет. Коалиция социалистических партий, возникшая в Томске в рамках революционного комитета, показала, что эсеры, меньшевики и большевики имели там свою позицию, отличающуюся от позиции их центральных органов.

Осенью 1917 г. лидеры томских большевиков поддерживали идею созыва Учредительного собрания и считали, что переход власти к советам обеспечит его конструктивную работу. Однако результаты выборов (они проходили в губернии в

ноябре 1917 г.) продемонстрировали слабость большевистской поддержки в массах. В Томской губернии за большевиков проголосовало около 12 % явившихся на выборы. В промышленных центрах этот показатель был гораздо выше. Так, на Анжерских коях за них было подано около 32 % всех голосов, на Кемеровском руднике и химзаводе – 36,4 %, на Судженских коях – 25,8 %. В сельской местности с огромным отрывом лидировали эсеры. В Новониколаевском уезде они набрали 95,3 % голосов, в Каинском – 91,2 %, в Кузнецком – 90,8 %, в Мариинском – 88,6 %, в Томском – 73,6 %, в Тогурском – 64,6 %.

Выборы показали, что большевики не имели шансов прийти к власти демократическим путем. В этих условиях губернский совет медлил с решением вопроса о власти. Его позиция подверглась резкой критике на совещании большевиков Томской губернии 24 ноября 1917 г. Только 6 декабря 1917 г. исполком Томского совета рабочих и солдатских депутатов заявил о том, что он является представителем верховной власти в Томске. Вместе с тем томские большевики сохраняли готовность к компромиссу. Так, представители совета действовали в составе губернской земской управы, сформированной на многопартийной основе в конце декабря 1917 г.

Ощутимый удар по коалиции нанес Чрезвычайный сибирский областной съезд, начавший свою работу 6 декабря 1917 г. Он заявил о непризнании Советской власти и постановил создать Сибирскую областную думу, в состав которой предложил включить представителей партий от энесов до большевиков включительно.

После разгона Учредительного собрания и последовавшего в конце января 1918 г. ареста депутатов Сибирской областной думы возможность коалиции большевиков с эсерами и меньшевиками была исключена, однако стала складываться коалиция последних с кадетами. Участники коалиции, хотя и сохраняли взаимные претензии друг к другу, оправдывали этот союз необходимостью свержения большевиков любой ценой.

Сначала меньшевики и эсеры пытались бороться с большевиками идеологическими методами, разъясняя массам всю пагубность советской политики. Ответной реакцией большевиков на критику стало ужесточение проводимого ими курса. Последовали аресты лидеров оппозиции, закрытие буржуазных, эсеровских и меньшевистских газет.

С конца зимы 1918 г. по Томской губернии прокатилась волна антибольшевистских выступлений, связанных с попытками защиты органов местного самоуправления и направленных против произвола красной гвардии. Эсеры активно поддерживали эти выступления, нередко являлись их вдохновителями и участниками. Эсеры и кадеты, не имея легальных возможностей для идейного развенчания большевизма, все больше склонялись к мысли о необходимости свержения власти большевиков насильственным путем. С весны 1918 г. они направили значительную часть своих усилий на создание и поддержку тайных вооруженных антибольшевистских формирований, которые активно проявили себя уже в конце мая 1918 г. Таким образом, в первой половине 1918 г. межпартийная борьба приняла более жесткие формы, от идеологической конкуренции и парламентских споров противоборствующие стороны перешли к

вооруженному противостоянию. Происходила эскалация насилия, силовой вариант стал преобладающим в выяснении межпартийных отношений.

В главе 4 «**Общественные организации Томской губернии в марте 1917 – мае 1918 гг.**» показана роль общественных объединений в жизни губернии в годы революции, охарактеризованы основные направления их деятельности, исследованы их отношения с органами власти, политическими партиями и между собой.

В *первом разделе* представлен анализ деятельности социально-классовых и религиозных организаций. Как уже было отмечено, к марту 1917 г. в Томской губернии действовало не менее 262 легальных общественных организаций (без учета кооперативных и профсоюзных). В период марта 1917 – мая 1918 гг. было создано 179 организаций, 91 из них (51 %) действовала в губернском Томске. Из уездных центров наиболее интенсивно создание общественных организаций шло в Новониколаевске. Появление общественных организаций стало новым явлением в жизни рабочих поселков и ряда сел. Большинство созданных там организаций занималось культурно-просветительной работой. Создание общественных организаций стало одной из форм самоорганизации масс.

В первые мартовские дни 1917 г. лидеры общественных организаций активно включились в политическую деятельность, участвовали в формировании органов власти на местах. Однако к лету 1917 г. они были вытеснены с политической сцены набравшими силу политическими партиями.

Новым явлением в общественно-политической жизни губернии стало появление общественных организаций, объединявших представителей тех социальных групп, интересы которых недостаточно четко были выражены в программных установках политических партий. С весны 1917 г. силу стало набирать женское, молодежное (а в Томске еще и студенческое) движения, объединялись предприниматели, фронтовики, безработные, солдаты. Эти новые общественные организации обретали свое «политическое лицо», втягивались в политическую борьбу, использовались политическими партиями для решения своих определенных текущих задач. В подавляющем большинстве эти движения ориентировались на либеральные ценности.

Однако в общественном движении, крайне неоднородном по своему составу, удавалось найти опору и левым (организации солдаток и безработных), и правым (союзы предпринимателей, офицерские организации). Между левым и правым флангом колебались фронтовики. Политизация общественных организаций вела к тому, что они оказывались в фарватере политических партий, утрачивали свою индивидуальность и самостоятельность.

Второй раздел посвящен анализу национального движения в Томской губернии в марте 1917 – мае 1918 гг.

Февральская революция вызвала мощный всплеск национального самосознания. Уже в первые мартовские дни 1917 г. представители национальных диаспор, проживающих в Сибири, провели собрания и сформировали свои организации. В Томске в течение марта такие организации были созданы мусульманами, украинцами, латышами, поляками, грузинами, в Новониколаевске – эстонцами, поляками, литовцами, мусульманами. В марте – апреле 1917 г. оформились отделы национальных партий: в Томске – Бунда, Польской

социалистической партии, сионистов, украинских националистов, украинских социалистов-федералистов, грузинских социалистов-федералистов; в Новониколаевске – Бунда. В Томской и Новониколаевской организациях РСДРП были созданы латышские секции. К лету сионистские организации были созданы в Каинске и Мариинске.

Национальные и религиозные организации были ориентированы на возрождение национальной культуры и образования. Реализацию своих целей они, в подавляющем большинстве, связывали с торжеством буржуазной демократии, что определило их активное участие в органах местного самоуправления.

Весной 1917 г. в Томске и Новониколаевске представители национальных диаспор направляли своих представителей в состав КОБов, активно участвовали в проведении муниципальных выборов, отстаивали идею культурно-национальной автономии. На этой почве произошло сближение националов с областниками. Представители тех национальных диаспор, большинство членов которых оказалось в Сибири не по своей воле, поддерживали идею создания национальных государств, либо, как минимум, идею федеративного устройства.

Весной – летом 1917 г. значительные усилия национальные организации направили на возрождение родного языка, сохранение и развитие национальных традиций и культуры, образования и просвещения. Центрами работы этнических групп стали национальные клубы и общества, которые широко развернули культурно-просветительную работу.

Однако национальное движение было крайне неоднородно. Внутренние противоречия определялись как классовой принадлежностью членов, так и идейными разногласиями между ними. По мере нарастания массового радикализма углублялись противоречия и внутри национальных организаций. Большевики, используя эти противоречия в своих интересах, сумели внести раскол в национальное движение, привлекли на свою сторону часть его представителей. Большевиков в первую очередь поддерживали те, кто связывал их политику с созданием национальных государств (поляки, прибалты), и те, кто рассчитывал на улучшение своего положения (военнопленные, национальная беднота). К лету 1918 г. из-за ограничения демократических свобод, давления со стороны советских органов, внутреннего раскола позиции либерального крыла в национальном движении оказались серьезно ослабленными.

В *третьем разделе* представлена характеристика профессионального движения как одного из важных компонентов общественно-политической жизни в Томской губернии в марте 1917 – мае 1918 гг. Возможность легальной профсоюзной деятельности, появившаяся после Февральской революции, обусловила рост активности рабочих и служащих в борьбе за свои права. Процесс самоорганизации масс захватил широкие слои сибирского населения, из губернских столиц он перекинулся на уездные центры и рабочие поселки. Профессиональные вопросы выносились на митинги, собрания, съезды. Рабочие и служащие создавали профессиональные организации, которые активно включались в общественную жизнь региона.

Основной формой объединения трудящихся стали профессиональные союзы. С марта 1917 по май 1918 гг. в Томской губернии было создано 215 профсоюзов. Наиболее интенсивно процесс профсоюзного строительства шел весной и в начале

лета 1917 г. К июлю 1917 г. возникло 128 (59,5 %), а к ноябрю – еще 38 (18 %) профсоюзов. То есть с марта по ноябрь 1917 г. образовалось 77,5 % профсоюзов губернии. В губернском центре за весь рассматриваемый период было создано 72 союза (33 %), в Новониколаевске – 48 союзов (23 %), на долю остальных уездных центров со слабо развитой промышленной базой пришлось 20 союзов – 9,5 %. Свыше 30 % профсоюзов губернии возникло в рабочих поселках – на предприятиях, удаленных от губернского центра.

По социальному составу из 215 союзов 95 (44,2 %) – рабочих, 93 (43,3 %) – служащих и 27 (12,5 %) – смешанных (объединявших рабочих и служащих). Большинство профсоюзов, созданных в первые месяцы после Февральской революции, были малочисленными, строились по цеховому принципу. До лета 1917 г. среди профсоюзов преобладали мелкие союзы, созданные работниками отдельных предприятий и учреждений. На крупных предприятиях в промышленных центрах губернии действовало несколько союзов, объединявших рабочих различных специальностей.

Весной – летом 1917 г. главным направлением деятельности профсоюзов стала борьба за улучшение экономического положения трудящихся. В этой борьбе они опирались на поддержку КОБов и советов. В результате уже к лету 1917 г. на большинстве предприятий губернии был установлен 8-часовой рабочий день. Вмешательство в производство неминуемо вело к возникновению конфликтов рабочих с владельцами и представителями администрации. Одной из форм классовой борьбы стало изгнание служащих, особенно жестко притеснявших рабочих.

С лета 1917 г. в сибирском профессиональном движении более активно пошел процесс преодоления цеховой замкнутости: профсоюзы формировались по производственному принципу, создавались городские, уездные, губернские и региональные профессиональные объединения. В Томске действовали Главный комитет профсоюза железнодорожников Томской железной дороги, Окружной комитет служащих Томского почтово-телеграфного округа и губернский Союз учителей. В июле 1917 г. был создан Союз рабочих и служащих горных и горнозаводских предприятий Западной Сибири.

С конца лета 1917 г. рабочие коллективы в Томской губернии активно выступали с требованиями коренных преобразований и перехода власти к советам. Классовое противостояние перешло в иную плоскость. Росло недоверие к администрации, а затем оно переносилось на служащих и интеллигенцию в целом. Объектом недовольства становились средние слои. А в результате еще более усиливалась разобщенность общества. Общенациональный кризис вел к нарастанию массового радикализма. В этих условиях социальные утопии находили благодатную почву, а их носители получали массовую поддержку.

Большинство рабочих профсоюзов Томской губернии поддержало переход власти к советам, и они становились проводниками большевистской политики на местах. Это привело к углублению противоречий между организациями рабочих и служащих, усилилось стремление последних к обособлению. Укрепление Советской власти сопровождалось роспуском или реорганизацией нелояльных к ней профессиональных организаций, подавлением всякой оппозиционности.

Одновременно с этим ограничивались «завышенные» требования рабочих масс и отдельных союзов.

Включение профсоюзов в структуру власти и наделение их административно-хозяйственными функциями вело к изменению содержания профессиональной работы. Основная деятельность союзов стала сосредоточиваться на организации производства, укреплении трудовой дисциплины, повышении производительности труда. Ускорился процесс централизации профсоюзного движения и выработки нормативных документов, регламентировавших деятельность профсоюзов на местах. Профсоюзы стали превращаться в придатки советов, наметилась тенденция к их бюрократизации, но они продолжали выражать и интересы рабочих масс. Такая двойственная позиция профсоюзов лишала их независимости, вела к ослаблению влияния в массах. Добровольно-принудительный принцип членства в профсоюзах вел к тому, что для многих такое членство было абсолютно формальным.

В главе 5 «**Формы крестьянского самоопределения в Томской губернии в марте 1917 – мае 1918 гг.**» освещается крестьянское движение на различных этапах революции, представлен анализ деятельности органов сельского самоуправления, крестьянских сходов, съездов, организаций, охарактеризована деятельность в среде крестьянства политических партий, прослежена смена политических настроений и симпатий крестьянства.

В *первом разделе* представлена характеристика крестьянства Томской губернии в марте – октябре 1917 г.

Сибирское крестьянство оказалось политически не подготовлено к свержению самодержавия. В первые дни марта для многих сибирских крестьян были характерны растерянность, непонимание сути происходящих событий. Вскоре на гребне общего эмоционального подъема, под влиянием различного рода агитаторов, на смену тревоге пришло, по известному ленинскому определению, «бессознательно-доверчивое» отношение к новой власти.

Крестьянство активно включилось в строительство «новой жизни». На сходах обсуждались наболевшие вопросы, формировались органы местного самоуправления, создавались крестьянские союзы. В крестьянских наказах ярко проявились как политическая наивность, так и жажда обновления. Надежды на преобразование деревни связывались с ослаблением налогового гнета, с повышением культурного и образовательного уровня. Решение этих проблем крестьяне в первую очередь возлагали на губернские и уездные власти. Крестьяне просили помочь семенами, приобрести сельхозтехнику, построить школы и т.д. Чаще всего звучали требования перераспределения земли.

Однако большинство этих просьб оставалось неудовлетворенными. Неспособность властей, часто в силу объективных причин, выполнить крестьянские указы разрушала веру крестьян во всемогущество власти, снижала доверие к ней. Попытки властей идти на диалог, взывать к разуму и терпению воспринимались крестьянами как проявление слабости, вызывали все большее раздражение, усиливали радикальные настроения. К осени в крестьянской массе стало нарастать негативное отношение и к низовым органам крестьянского самоуправления. Энтузиазм первых революционных месяцев был во многом утрачен. На выборах в земство крестьянство продемонстрировало апатию и политическую усталость.

Одной из причин подрыва доверия к органам сельского самоуправления, была их качественная составляющая. В них выбирали тех, «которые согласны на меньший оклад жалованья». Попадали в них кулаки, зажиточные крестьяне. Нередко низовые органы шли на поводу у местного социума, чтобы сохранить хотя бы формальное руководство. В решениях, принимаемых на местах, проявлялось желание оградить сельский мир от вмешательства «чужаков». Крестьянские комитеты требовали прекратить коммерческую заготовку и продажу леса в лесничествах, запрещали вести там работы без их ведома. Оправданием подобных действий служил тезис «воля народа – закон», который был основан на своеобразном понимании свободы, наступившей после революции. Им обосновывались захватные действия, отказ от уплаты налогов и выполнения повинностей.

В то же время крестьяне пытались сохранить свой деревенский мир, не принимая то, что им было непонятно, то, что нарушало привычный уклад. Усиливалось негативное отношение к носителям чуждой крестьянству культуры. Во многом утратила былой авторитет сельская интеллигенция, представители которой (за редким исключением) вообще не включались ни в какие выборные крестьянские организации. Для сибирской деревни был характерен политический индифферентизм. В то же время низкий уровень политической культуры крестьянства стал благоприятной почвой для прорастания правового нигилизма и экстремизма, на проявление которых существенно влияло бессилие властей в вопросах наведения порядка. В ряде случаев крестьяне сами решали проблемы по своему усмотрению и пониманию.

К октябрю 1917 г. значительная масса сибирских крестьян оставалась аполитичной, находилась под влиянием патриархальных традиций. Крестьяне действовали, исходя из своих материальных интересов, которые порой, прикрывались лозунгами о наступившей свободе. Вместе с тем следует признать, что к октябрю 1917 г. сибирское крестьянство накопило определенный политический и организационный опыт, научилось отстаивать свои интересы, перестало на веру принимать вносимые в его среду идеи, хотя уровень политической культуры крестьянства оставался крайне низким.

Во *втором разделе* представлен анализ крестьянского движения в ноябре 1917 – мае 1918 гг.

Сибирское крестьянство в целом крайне сдержанно отнеслось к победе вооруженного восстания в Петрограде, заняло выжидательную позицию по отношению к Советской власти. На выборах в Учредительное собрание абсолютное большинство крестьян поддержало эсеров, однако после выборов противоречия в сибирской деревне продолжали нарастать. С конца 1917 г. в противовес земствам ускорилось создание сельских советов, ориентирующихся на большевиков. Носителями большевистских идей нередко выступали солдаты-фронтовики, которые стали возвращаться в деревню после развала армии. Активизировалась деревенская беднота, которая все решительнее требовала претворения в жизнь «Декрета о земле» и передела собственности в пользу малоимущих. Усилилось внутреннее размежевание деревни, все более нарастали противоречия между беднотой и кулачеством.

Процесс установления Советской власти в сибирской деревне принял затяжной характер и имел ряд особенностей. В противовес органам местного самоуправления создавались комитеты бедноты, солдатские и крестьянские советы. Эсеры, активно участвуя в создании крестьянских советов, стремились превратить их в еще один оплот своего влияния в деревне, противопоставить такие советы органам большевистской власти.

Пока шел передел власти в губернском центре, село оказалось предоставлено само себе. Здесь продолжали действовать органы самоуправления, однако доверие к ним неуклонно снижалось, институты власти становились все более аморфными. Еще больший размах приобрело самотоварение. Село сохраняло зыбкое спокойствие, которое периодически нарушалось вспышками самосудов.

Существенно повлияли на политические настроения крестьян реквизиции и конфискации хлеба, которые в Томской губернии начали проводиться с декабря 1917 г., а с весны 1918 г. после введения продовольственной диктатуры стали массовыми. Они вызывали озлобление крестьян, по губернии прокатилась волна крестьянских выступлений, на подавление которых направлялись красногвардейские отряды.

Крестьяне, даже после признания Советской власти на уездных съездах советов, не стали надежной опорой большевиков. В своей массе они, оставаясь политически индифферентными, чутко реагировали лишь на те политические решения, которые затрагивали их материальные интересы. Крестьяне в своих действиях ориентировались на достижение конкретных целей, их мало заботила отдаленная перспектива. Политические партии в своей борьбе за крестьянские массы опирались на различные слои, стремились противопоставить эти группы друг другу.

После установления Советской власти основная масса сибирского крестьянства не только не почувствовала какого-либо улучшения своей жизни, но испытала на себе ее жесткое давление, порождающее ответную реакцию. К лету 1918 г. значительная масса сибирских крестьян перешла к активному сопротивлению Советской власти.

В главе 6 «Томская губерния в июне – ноябре 1918 г.» содержится анализ общественно-политической жизни губернии в условиях «сползания» к военной диктатуре, охарактеризована деятельность органов местного самоуправления, политических партий, общественных организаций, социальных слоев и групп в изменившейся ситуации.

В *первом разделе* выявлена реакция населения на антибольшевистское выступление и свержение Советской власти в губернии, исследован процесс формирования сибирской власти, влияние на него политических партий, социальных слоев и теневых структур (групп давления), показана расстановка сил внутри сибирской власти, раскрыты причины ее трансформации.

В конце мая 1918 г. чехи при поддержке местных подпольных организаций захватили Мариинск и Новониколаевск, развернули наступление вдоль линии Транссибирской магистрали. К выступлению чехов сибирское население отнеслось довольно сдержанно. На защиту Советской власти поднялись лишь небольшие красногвардейские отряды, а значительная часть рабочих продемонстрировала

полное равнодушие к происходящему. К середине июня Советская власть пала на всей территории Томской губернии.

26 мая высшей властью на территории Сибири, освобожденной от большевиков, провозгласил себя Западно-Сибирский комиссариат уполномоченных Временного Сибирского правительства (ЗСК), который сразу же предложил органам местного самоуправления возобновить свою работу. На места были направлены уполномоченные новой власти – комиссары.

ЗСК, эсеровский по своему составу, сразу же заявил о приверженности демократическим принципам, указывал на свою связь с Сибирской областной думой, ставил задачу созыва в ближайшем времени Сибирского учредительного собрания. Формирование ЗСК и его структур сопровождалось острой борьбой за власть между входившими в антибольшевистский блок группировками. Существенное влияние на политику ЗСК оказывали военные. Одной из наиболее активных и эффективных «групп давления» на ЗСК являлся «Потанинский кружок» в Томске, сложившийся вокруг идеолога сибирского областничества Г.Н. Потанина и объединивший видных представителей сибирской и томской интеллигенции либерально-демократической ориентации.

Западно-Сибирскому комиссариату приходилось лавировать, искать компромисс между различными политическими группировками и слоями населения. Так, ЗСК, восстановив законы Временного правительства, в то же время формально не отменял и советское законодательство. Политика ЗСК, направленная на закрепление и углубление демократических преобразований, вызывала все большее недовольство правых сил, которые ставили под сомнение его легитимность. Нарастали противоречия и внутри самого ЗСК. В этой ситуации в роли своеобразного арбитра выступило руководство Сибирской областной думы. Думские лидеры, стремясь закрепить свое участие в политическом процессе, поддержали предложение группы министров о передаче им власти и согласились оформить ее грамотой председателя думы. 30 июня 1918 г. произошла передача власти ЗСК совету министров Временного Сибирского правительства (ВСП).

Уже в первых официальных актах Временное Сибирское правительство заявило о стремлении проводить более жесткий курс, по сравнению с ЗСК. На практике это воплотилось в запрещении деятельности советских организаций, в ограничении прав местных самоуправлений, в ужесточении политики по отношению к рабочим организациям, во все больших уступках военным. В конце лета 1918 г. обострились отношения между ВСП и Сибирской областной думой, которая официально возобновила работу с 15 августа.

Эсеро-меньшевистское думское большинство стремилось поставить ВСП под свой контроль, что вызвало резкое раздражение в проправительственных кругах. В прессе ставилась под сомнение правомочность думы представлять все сибирское население, выдвигались требования изменения ее состава. Осенью 1918 г. напряжение в отношениях между ВСП и думой продолжало нарастать. Между ними периодически возникали конфликты, однако правительство не торопилось с роспуском думы. Ее временное сохранение было связано как с желанием правительства использовать думу в своих политических интригах, так и с общей обстановкой в Западной Сибири. Уже после формирования директории

большинство депутатов под угрозой разгона думы согласилось на ее самороспуск. 10 ноября 1918 г. дума прекратила свое существование.

Сибирская областная дума была последним оплотом эсеров и их союзников. С ее роспуском Томск утратил функции центра сибирской демократии, произошел раскол сил в антибольшевистском лагере и полностью был расчищен путь к военной диктатуре.

Сползание к военной диктатуре проявлялось в устранении от власти социалистов, свертывании демократических институтов и учреждений, урезании компетенции местных самоуправлений, ограничении прав и свобод, ужесточении цензуры, ограничении свободы прессы и наиболее ярко выразилось в произволе военных властей, их стремлении решать все вопросы с позиции силы. В очередной раз представители политических элит продемонстрировали глубокие разногласия между собой в оценке перспектив развития страны и общества, в методах решения накопившихся проблем.

Во *втором разделе* освещена деятельность политических партий, общественных организаций и социальных слоев в событиях июня – ноября 1918 г. в Томской губернии.

Переворот в очередной раз изменил расстановку политических сил в Томской губернии. Наступил «звездный час» сибирских эсеров. Они сыграли заметную роль в перевороте, возглавили ЗСК, а в большинстве случаев и органы власти на местах. По сути, в июне 1918 г. эсеры стали правящей партией. Именно эсеровские идеологи (вместе с меньшевиками) наиболее последовательно выступали за поиск «третьего пути» в революции. Они призывали к консолидации всех сил, созданию «твердой» власти, способной воплотить в жизнь принципы демократии и защитить ее от посягательств как слева, так и справа.

Заметно оживились после переворота кадеты. Они активно действовали в составе антибольшевистской коалиции, куда также вошли меньшевики и народные социалисты. Союз между эсерами и кадетами в первый месяц после переворота был основан на том, что ЗСК, эсеровский по своему составу, был вынужден привлекать на службу буржуазных интеллигентов, значительная часть из которых была близка кадетам. Кратковременное сотрудничество двух партий определялось стремлением к формированию сильной власти, но по стратегии и тактике между «левым блоком» и кадетами точек соприкосновения становилось все меньше и меньше. К осени 1918 г. разногласия между ними существенно углубились. Кадеты во многом идеологически подготовили изгнание эсеров из власти, выражая требования буржуазии и верхушки военных.

В крайне сложном положении после переворота оказались сибирские большевики. Партийные организации были разгромлены, их руководители арестованы либо скрывались. Несколько отличалась ситуация в Томске. Там до июля действовал Совет рабочих депутатов, до начала августа выходила подконтрольная большевикам газета «Рабочее знамя», до осени сохранялись возможности для деятельности профсоюзов. Поэтому значительная часть томских большевиков в начале лета 1918 г. выступала за широкое использование легальных форм борьбы.

В течение лета 1918 г. подпольные большевистские организации были восстановлены в промышленных центрах. Их деятельность сводилась к накоплению

сил, вербовке новых членов, установлению связей с губернской и соседними организациями. К осени, когда усилилось давление властей на рабочие организации, и возможностей для легальной работы почти не осталось, значительная часть большевиков Томской губернии поддержала курс на вооруженное восстание. На это решение повлиял рост антиправительственных выступлений. Однако влияние большевиков на массы в этот период не следует преувеличивать, поскольку массы выступали против ухудшения своего положения и не выдвигали требований восстановления Советской власти.

К осени 1918 г. влияние политических партий на массы заметно снизилось. Партийные организации перестали быть массовыми. Социальные слои уже не связывали с ними реализацию своих интересов.

Сразу после переворота активизировалась буржуазия. Она начала поход против завоеваний рабочих, стремилась дискредитировать рабочие организации. Консолидация сил сибирской буржуазии проявилась в создании отделов Союза защиты родины, в активном участии в муниципальных выборах. Служащие и интеллигенция в целом положительно отнеслись к свержению Советской власти. Произошло некоторое оживление деятельности их общественных и профессиональных организаций. Однако по сравнению с предыдущими периодами их активность заметно снизилась.

Пролетариат Сибири во время антибольшевистского переворота в своем большинстве отказал в поддержке Советской власти. В конце мая – начале июня 1918 г. о поддержке новой власти заявляли рабочие Томска, Каинска, Мариинска, Анжерских и Судженских копей. Однако эта поддержка связывалась с тем, насколько власть будет защищать права трудового народа. Впрочем, часть рабочих, ощутивших на себе все «прелести» нового режима, характеризовала переворот как контрреволюционное выступление.

Наступление новых властей на права рабочих началось сразу же после переворота. Были упразднены коллегиальные управления, существенно урезались права профсоюзов. С июня 1918 г. в губернии стала нарастать волна забастовок. В этих условиях правительство взяло курс на дальнейшее ограничение деятельности профсоюзов. Это привело к тому, что альтернативой профессиональным союзам трудящиеся стали рассматривать экономические организации – больничные кассы, общества потребителей, кооперативы.

Переворот внес определенные изменения в деятельность ряда общественных организаций. Возобновили свою работу те, которые были закрыты советами. В первой половине лета 1918 г. в Томске появились новые общественные организации, объединявшие представителей социальных слоев и групп, испытавших на себе притеснения большевиков. В то же время ограничивалась деятельность организаций, поддерживавших советы. В уездных и безуездных центрах губернии, где к осени 1918 г. авторитет политических партий и профсоюзов заметно пошатнулся, население стало группироваться в социально-классовые организации – союзы домовладельцев, квартирнанимателей, духовенства и мирян.

В первые дни после переворота оживились организации, объединявшие представителей национальных меньшинств, была воскрешена идея национально-культурной автономии. Но по мере нарастания проблем на территории, контролируемой ВСП, представители народов, претендующих на создание своих

национальных государств, все больше самоустраивались от участия в решении вопросов русской жизни.

Сибирское крестьянство в ходе переворота какой-либо активности не проявило. Лишь в ряде территорий кулаки, примкнув к белогвардейским отрядам, принимали участие в разгоне советских организаций и арестах их работников и активистов. Крестьянство устало от политики, оно запуталось в чехарде переворотов, смене властей и лозунгов и не желало более выступать разменной монетой в политических играх. Оно все больше замыкалось в себе, не доверяло ни власти, ни партиям. Крестьяне пытались сами решать свои проблемы. Участились случаи захватов земли, сенокосных угодий, вырубки лесов. По-прежнему развивалось тайное винокурение. Весьма болезненно реагировало сибирское крестьянство на попытки власти восстановить систему налогообложения, взыскать с крестьян долги, ввести дополнительные повинности и сборы.

Некоторая активизация общественной жизни, проявившаяся после свержения власти большевиков в Сибири, вскоре пошла на убыль. Попытки властей и политических партий в очередной раз добиться консолидации общества оказались тщетными. Слишком велики были различия в материальном положении, интеллектуальном развитии и социальных ожиданиях между общественными группами. В этих условиях нарастало классовое противостояние и в то же время проявились отказ масс от идеологических установок, их политическая апатия и инертность. Эксперименты, осуществляемые в ходе революции различными политическими силами, не привели к решению проблем, а лишь углубили разобщенность общества.

В Заключении подведены итоги исследования и сформулированы основные выводы.

Февральская революция пробудила к жизни ростки гражданского общества. С марта 1917 г. происходил рост общественной активности, которая ярко выразилась в появлении свободной прессы, многопартийности, создании общественных организаций различной направленности, проведении съездов, конференций. Только в Томской губернии с марта по октябрь 1917 г. выходило не менее 50 периодических изданий различной политической направленности, действовали 373 общественные организации, 164 профсоюза, оформились отделы всех ведущих политических партий, было проведено 143 съезда социально-классовых, политических, национальных организаций. Представители Томской губернии приняли участие в 35 съездах в других сибирских регионах и 39 всероссийских съездах.

Делегаты съездов представляли широкие слои населения губернии, отражали настроения и чаяния масс, воплощая их в принимаемые решения и резолюции. Уже в первые месяцы после Февраля проявились и различия в социальных ожиданиях основных групп населения. Рабочие и маргинальные слои города и деревни требовали немедленного улучшения своего положения. Крестьянство, заняв сначала выжидательную позицию, в целом поддержало курс на демократические преобразования, связывая с ними улучшение условий хозяйствования. Средние городские слои, служащие, интеллигенция приветствовали расширение гражданских прав и свобод, выражали готовность ради торжества демократии идти на материальные ограничения. В поддержку преобразований выступили буржуазия

и духовенство, а представители национальных меньшинств связывали с ними отмену национальных ограничений.

Идея народовластия нашла свое воплощение в создании политической коалиции, взявшей в свои руки бразды правления в Томской губернии. Ее ядро составляли представители средних слоев. Эта коалиция в лице губернского комитета общественной безопасности, заручившись поддержкой всех основных социальных групп населения, последовательно проводила курс на демократизацию общества, выступала посредником в отношениях между предпринимателями и рабочими, оказывала им помощь в поиске компромисса.

Однако иллюзии первых революционных месяцев развеялись очень быстро. Уже в конце весны 1917 г. стали нарастать внутренние конфликты в обществе. Они проявились в захватах земли, в изгнании администрации предприятий, в выдвижении рабочими все новых и новых требований к предпринимателям. Оказалось, что наметившиеся институты гражданского общества не были наполнены реальным содержанием. Масса воспринимала лишь те лозунги, которые были ей выгодны. Задавленные нищетой рабочие и крестьянская беднота не желали ждать «светлого будущего» и все решительнее требовали немедленного улучшения своего положения. К лету 1917 г. антибуржуазная пропаганда проникла в самые отдаленные уголки страны.

Представители правящей элиты довольно быстро осознали опасность политического экстремизма, но боролись с ним непоследовательно, от случая к случаю. Власть – как центральная, так и губернская – боялась разрушить собственный ореол «либерализма», избегала жестких мер для наведения порядка, стремилась больше действовать увещаниями и разъяснениями. Такое поведение власти воспринималось массами как ее слабость, неспособность решать имеющиеся проблемы. Курс на социальный компромисс стал восприниматься как предательство интересов трудящихся. Немалую роль в этом сыграла и агитация радикалов.

С лета 1917 г. усилилось размежевание масс, средние слои утрачивали свое определяющее влияние на политические процессы в стране и в губернии, все большую силу стали набирать радикалы. Необходимо отметить, что не только радикалы влияли на массы, но и массы, вернее их наиболее агрессивная часть, влияли на лидеров радикалов, и в результате формировалась новая идеология – идеология, оправдывающая революционное насилие ради достижения всеобщего счастья. Большевики не столько навязали массам свой вариант развития событий, свою программу действий, сколько сумели направить нарастающее недовольство в нужное им русло.

Политический кризис усугублялся слабостью институтов власти. Это наиболее ярко проявлялось на низовом уровне. Пестрота действующих структур, неопределенность их функций, отсутствие кадров профессиональных управленцев нередко приводили к превышению полномочий, злоупотреблениям, вызывали многочисленные конфликты, подрывали доверие населения к власти.

Установление Советской власти в Томской губернии растянулось с ноября 1917 по март 1918 гг., но это было далеко не «триумфальное шествие». В процессе борьбы за власть подконтрольные большевикам советы опирались на отряды красной гвардии, с помощью которых подавляли своих оппонентов, распускали органы местного самоуправления. Социальная база большевиков была расширена за

счет крестьянской бедноты и маргинальных слоев, а их победа во многом была обусловлена отсутствием единства в рядах их противников.

После провозглашения Советской власти изменился статус советов – из общественных организаций они превратились во властные органы, были включены в вертикаль власти. Соответственно изменились и их функции: им пришлось заниматься вопросами управления и организации производства. С одной стороны, советы принимали реальные меры по улучшению положения рабочих и крестьянской бедноты, с другой – им пришлось наводить порядок, ужесточать дисциплину труда, применять карательные санкции к нарушителям трудовой дисциплины. Изменения, которые произошли в жизни рабочих после установления Советской власти, не оправдали социальных ожиданий большинства из них.

В открытые выступления против большевиков выливалось недовольство крестьян реквизициями. Анализ отношений между городом и деревней в этот период показывает несостоятельность ленинского постулата о союзе рабочего класса и крестьянства в революции. Напротив, усиливалось противостояние различных слоев и групп, нарастала внутренняя напряженность. В результате советы все больше утрачивали народную поддержку, и для сохранения власти и реализации своей программы им все чаще приходилось прибегать к насилию.

В этих условиях происходил спад общественной активности. Хотя в ноябре 1917 – мае 1918 гг. и было создано 68 общественных организаций и 49 профсоюзов, большинство из них были подконтрольны большевикам. Из 123 съездов, состоявшихся в этот период, делегаты 43 съездов осудили захват власти большевиками. О поддержке Советской власти, о готовности к сотрудничеству с ней заявили делегаты лишь 33 съездов.

Большевики упразднили демократические институты, регламентировали общественную жизнь, ограничивали политические права и свободы, ссылаясь на их буржуазный характер, культивировали классовую непримиримость. Основная часть населения равнодушно относилась к свертыванию демократических институтов. В массах все усиливалась политическая апатия. В то же время классовое размежевание нередко принимало форму вооруженных столкновений. Противоборствующие стороны все реже находили общий язык, все чаще склонялись к силовому варианту урегулирования существующих разногласий.

Политические оппоненты большевиков сначала ограничивались лишь гневными заявлениями в их адрес, не имея какой-либо ощутимой поддержки масс. Первыми к выводу о том, что большевизм можно остановить только силой, пришли кадеты. К весне 1918 г. и сибирские эсеры стали делать ставку на силовой вариант свержения Советской власти. Сближение позиций кадетов и эсеров определило их сотрудничество в подпольных антибольшевистских организациях, костяк которых составили бывшие офицеры. Однако для самостоятельного выступления их сил было недостаточно. Катализатором сплочения антибольшевистских сил стало выступление чехословацкого корпуса.

Свержение Советской власти в Сибири проходило под лозунгами восстановления истинного народовластия, но, по сути, свелось к реставрации дооктябрьских структур, которые уже проявили свою недееспособность. «Демократическая контрреволюция» стала еще одной попыткой социалистов

раскрыть творческий потенциал народа. Однако социальные ожидания масс и на этот раз не оправдались. Раскол общества так и не был преодолен.

Таким образом, смена политических симпатий и психосоциальных мотиваций основных социальных групп населения Томской губернии была связана с уровнем их политической культуры, деятельностью органов власти, политических партий и общественных организаций. На трансформацию политических воззрений слоев и групп существенное влияние оказывали события как в центре страны, так и в самой губернии.

Незавершенность экономической модернизации привела к тому, что в стране к моменту революции не сложился средний класс, который взял бы на себя роль социального стабилизатора. Ростки гражданского общества, пробужденные революцией, оказались слабыми и нежизнеспособными. Они взошли в неблагоприятной среде, а те, кто их культивировал, не нашли в себе достаточно сил для их сохранения. Этой неблагоприятной средой, прежде всего, был низкий уровень жизни подавляющей части населения, обусловивший его невысокую политическую и правовую культуру. Не менее важным фактором было и качество политических элит, оказавшихся неспособными прийти к соглашению, выработать реальную программу действий и воплотить ее в жизнь.

В **Приложении** приведены 72 таблицы, содержащие сведения о создании, размещении, численности, структуре 114 отделов политических партий, 426 общественных организаций, 253 профессиональных союзов и их объединений, 83 крестьянских союзов, 1298 объединений экономического характера (кооперативных союзов, артелей, потребительских обществ, кредитных товариществ и т.д.), действовавших в Томской губернии в период марта 1917 – ноября 1918 гг., а также представлены данные об органах местного самоуправления (КОБах, народных собраниях, земствах, городских думах), о 357 съездах, конференциях и совещаниях социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций.

Содержание диссертации отражено в следующих основных публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК Минобрнауки России:

1. *Дробченко, В.А.* Межпартийные и социально-классовые отношения в Томской губернии в марте 1917 – мае 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник Том. ун-та. – Томск, 2008. – № 311. – С. 79–85. – 1 п.л.

2. *Дробченко, В.А.* Общественные организации в Томской губернии в марте 1917 – мае 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко // Гуманитарные науки в Сибири. – Сер. «Отечественная история». – Новосибирск, 2008. – № 2. – С. 49–53. – 0,5 п.л.

3. *Дробченко, В.А.* Профессиональное движение в Томской губернии в июне – ноябре 1918 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник Том. ун-та. – Томск, 2008. – № 314. – С. 87–91. – 0,67 п.л.

4. *Дробченко, В.А.* Межпартийные отношения в Томской губернии в период «демократической контрреволюции» (май – ноябрь 1918 г.) [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник Том. ун-та. – Томск, 2008. – № 317. – С. 98–100. – 0,4 п.л.

5. *Дробченко, В.А.* Женское движение в Томской губернии в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник Том. ун-та. – Томск, 2009. – № 318. – С. 103–107. – 0,5 п.л.

6. *Дробченко, В.А.* Антибольшевистское сопротивление в Томской губернии в октябре 1917 – мае 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник Том. ун-та. – Томск, 2009. – № 319. – С. 80–83. – 0,5 п.л.

7. *Дробченко, В.А.* Делегаты Томской губернии на всероссийских съездах (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник Том. ун-та. – Томск, 2009. – № 320. – С. 99–102. – 0,4 п.л.

Монографии:

1. *Дробченко, В.А.* Профессиональное движение в общественно-политической жизни Кузбасса (март 1917 – май 1918 гг.). [Текст] /В.А. Дробченко – М.: Росинформуголь, 2002. – 292 с. – 18,1 п.л.

2. *Дробченко, В.А.* Профессиональное движение в общественно-политической жизни Сибири (март 1917 – май 1918 гг.). [Текст] /В.А. Дробченко – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 290 с. – 12,9 п.л.

3. *Дробченко, В.А.* История Анжеро-Судженского каменноугольного района (конец XIX в. – май 1918 г.). [Текст] /В.А. Дробченко – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 334 с. – 21,07 п.л.

4. *Дробченко, В.А.* Кузбасс в вихре революций: Общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 662 с. – 32,7 п.л.

Статьи и тезисы докладов:

1. *Дробченко, В.А.* Социальная структура профессионального движения в Сибири (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) [Текст] /В.А. Дробченко // Из истории революций в России: Матер. Всерос. симп., посвящ. памяти профессора И.М. Разгона. – Томск, 1996. – Вып. 1. – С. 120–129. – 0,5 п.л.

2. *Дробченко, В.А.* Источники изучения деятельности политических партий в профессиональном движении в Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) [Текст] /В.А. Дробченко // Историческая наука на рубеже веков: Матер. Всерос. конф., посвящ. 120-летию Том. гос. ун-та. – Томск, 1999. – Т. 2. – С. 163–176. – 0,5 п.л.

3. *Дробченко, В.А.* Радикализация масс в Сибири в период марта 1917 – начала 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко // Историческая наука на рубеже веков: Матер. Всерос. конф., посвящ. 120-летию Том. гос. ун-та. – Томск, 1999. – Т. 2. – С. 145–156. – 0,52 п.л.

4. *Дробченко, В.А.* Правовое регулирование деятельности сибирских профсоюзов в марте – октябре 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Образование и наука на пороге третьего тысячелетия: Сборник матер. к первой науч.-теор. конф. – Барнаул, 1999. – Ч. 1. – С. 76–78. – 0,25 п.л.

5. *Дробченко, В.А.* Профессиональные вопросы на съездах учителей Сибири в марте – июне 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник Том. пед. ун-та. – Томск, 2000. – С. 9–11. – 0,25 п.л.

6. *Дробченко, В.А.* К истории органов местного самоуправления в Томской губернии в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Местное самоуправление: итоги и перспективы развития: Сборник докл. и тез. I межрег. науч.-практ. конф. – Томск, 2001. – С. 128–131. – 0,25 п.л.

7. *Дробченко, В.А.* Кадеты в борьбе за профсоюзные массы Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) [Текст] /В.А. Дробченко // Образование и наука в третьем тысячелетии: Сборник матер. к третьей науч.-теор. конф. – Барнаул, 2001. – Ч. 1. –

С. 26–29. – 0,36 п.л.

8. *Дробченко, В.А.* Эволюция политического и правового сознания сибирских трудящихся в марте – октябре 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Проблемы истории исторического познания: Сборник науч. статей. – Томск, 2001. – С. 203–220. – 1 п.л.

9. *Дробченко, В.А.* Органы местного самоуправления в Кузбассе в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник филиала Кем. гос. ун-та в г. Анжеро-Судженске (Гуманитарные науки): Сборник статей. – Томск, 2002. – Вып. I. – С. 53–61. – 0,5 п.л.

10. *Дробченко, В.А.* Профессиональное строительство в Кузбассе в марте – июне 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник филиала Кем. гос. ун-та в г. Анжеро-Судженске. (Гуманитарные науки): Сборник статей. – Томск, 2002. – Вып. I. – С. 62–100. – 2,15 п.л.

11. *Дробченко, В.А.* Уровень жизни горняков Сибири в конце XIX в. – 1917 г. (на примере Анжерских и Судженских копей) [Текст] /В.А. Дробченко // Уголь. – М., 2002. – № 10. – С. 67–69. – 0,32 п.л.

12. *Дробченко, В.А.* Рабочие Кузбасса в начале XX в. [Текст] /В.А. Дробченко // Уголь. – М., 2002. – № 11. – С. 63–65. – 0,32 п.л.

13. *Дробченко, В.А., Бляхман, Б.Я.* Сибирские комитеты общественной безопасности – опыт демократической коалиции [Текст] /В.А. Дробченко, Б.Я. Бляхман // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник науч. трудов. – Барнаул, 2003. – Кн. II. – С. 295–300. – 0,3 п.л.

14. *Дробченко, В.А.* Деятельность социалистов-революционеров в Кузбассе в 1905 – мае 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2003. – С. 186–197. – 0,83 п.л.

15. *Дробченко, В.А.* Политические партии в Кузбассе в дофевральский период [Текст] /В.А. Дробченко // Кемеровской области – 60 лет: Всерос. науч. конф. – Кемерово, 2003. – С. 65–69. – 0,22 п.л.

16. *Дробченко, В.А., Сальников, А.И.* Периодические издания томских буржуазно-демократических органов власти как источник по истории местного самоуправления (март 1917 – май 1918 гг.) [Текст] /В.А. Дробченко, А.И. Сальников // Вестник филиала Кем. гос. ун-та в г. Анжеро-Судженске: Сборник статей. – Томск, 2003. – Вып. II. – С. 69–86. – 0,85 п.л.

17. *Дробченко, В.А., Бляхман, Б.Я.* Правовой нигилизм как показатель кризиса власти в Сибири в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко, Б.Я. Бляхман // Наука в Кузбассе: актуальные проблемы экономики и гуманитарных исследований: Науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Кемеровской области. – Кемерово, 2003. – С. 116–124. – 0,5 п.л.

18. *Дробченко, В.А., Бляхман, Б.Я.* Формирование представительных органов власти в Томской губернии весной – летом 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко, Б.Я. Бляхман // Наука в Кузбассе: актуальные проблемы экономики и гуманитарных исследований. Науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию Кемеровской области. – Кемерово, 2003. – С. 111–116. – 0,33 п.л.

19. *Дробченко, В.А.* Политика Временного правительства в области местного

- самоуправления [Текст] /В.А. Дробченко // Наука и образование: Матер. Всерос. науч. конф. (20–21 февраля 2003 г.). – Белово, 2003. – С. 109–115. – 0,23 п.л.
20. *Дробченко, В.А.* 1917 г. – попытка формирования демократической избирательной системы [Текст] /В.А. Дробченко // История идей и история общества: Матер. II Всерос. науч. конф. – Нижневартовск, 2004. – С. 87–89. – 0,13 п.л.
21. *Дробченко, В.А., Бляхман, Б.Я.* Трудовое законодательство Временного правительства и его реализация в Сибири [Текст] /В.А. Дробченко, Б.Я. Бляхман // Вестник филиала Кем. гос. ун-та в г. Анжеро-Судженске: Сборник статей. – Томск, 2004. – Вып. III (Гуманитарные науки). – С. 82–108. – 1,2 п.л.
22. *Дробченко, В.А.* Рабочее движение в Анжеро-Судженском районе в конце XIX – 1916 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник филиала Кем. гос. ун-та в г. Анжеро-Судженске. Сборник статей. – Томск, 2004. – Вып. III (Гуманитарные науки). – С. 58–81. – 1,2 п.л.
23. *Дробченко, В.А.* Формирование образа классового врага в сознании сибирского пролетариата в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Социальная агрессивность: Третьи Кузбасские философские чтения: Матер. междунар. конф. (27–28 мая 2004 г.). – Кемерово, 2004. – Ч. II. – С. 178–181. – 0,2 п.л.
24. *Дробченко, В.А.* Эволюция взглядов сибирской интеллигенции от февраля к октябрю 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Социальные конфликты в истории России XX века: Матер. Всерос. науч. конф. – Омск, 2004. – С. 98–102. – 0,22 п.л.
25. *Дробченко, В.А.* Местное самоуправление в Кузбассе в 1917 г. (организация, структура, деятельность) [Текст] /В.А. Дробченко // Актуальные проблемы права: Сборник трудов науч. конф. вузов России, посвящ. 30-летию юрид. фак-та КемГУ. – Кемерово, 2004. – С. 98–109. – 0,6 п.л.
26. *Дробченко, В.А.* Роль исторического краеведения в формировании гражданского общества в современной России [Текст] /В.А. Дробченко // Краеведение и гражданское общество. – СПб., 2004. – С. 127–141. – 0,6 п.л.
27. *Дробченко, В.А.* Открытие и начало промышленного освоения Анжеро-Судженского каменноугольного месторождения [Текст] /В.А. Дробченко // Уголь. – М., 2004. – № 11. – С. 69–72. – 0,75 п.л.
28. *Дробченко, В.А.* Краеведение в зеркале проблем современной школы [Текст] /В.А. Дробченко // Краеведение в современной России. – СПб., 2004. // <http://fond.spb.ru/Progr/PDF/Drobchenko2.doc> – 0,6 п.л. (обращение от 20.06.2005).
29. *Дробченко, В.А.* Реформирование школьного образования в Томской губернии в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета (16–17 ноября 2004 г.): Матер. междунар. конф. – Томск, 2005. – С. 168–174. – 0,4 п.л.
30. *Дробченко, В.А.* Деятельность буржуазно-демократических органов власти по урегулированию трудовых конфликтов в Томской губернии в марте – октябре 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска): Труды Том. гос. ун-та. – Сер. ист. – Томск, 2005. – С. 124–130. – 0,5 п.л.
31. *Дробченко, В.А., Бляхман, Б.Я.* Народные собрания в Томской губернии в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко, Б.Я. Бляхман // Актуальные проблемы гуманитарных исследований: Сборник науч. трудов. – Кемерово, 2005. – С. 137–141.

– 0,34 п.л.

32. Дробченко, В.А. Советы Кузбасса в марте – мае 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Актуальные проблемы местного самоуправления в Российской Федерации: Матер. межрег. науч.-практ. конф. – Кемерово, 2005. – С. 196 – 203. – 0,44 п.л.

33. Дробченко, В.А., Стасенко, Л.В. Советы и органы местного самоуправления в Кузбассе в марте 1917 – мае 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко, Л.А. Стасенко // Актуальные проблемы местного самоуправления в Российской Федерации: Матер. межрег. науч.-практ. конф. – Кемерово, 2005. – С. 225–234. – 0,55 п.л.

34. Дробченко, В.А. Крестьянские союзы в Кузбассе в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник филиала Кем. гос. ун-та в г. Анжеро-Судженске: Сборник статей. – Томск, 2005. – Вып. IV (Гуманитарные науки). – С. 53–61. – 0,7 п.л.

35. Дробченко, В.А. Новые подходы к изучению общественно-политической жизни Сибири в марте 1917 – мае 1918 гг. (на примере Томской губернии) [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник Том. ун-та: Общественно-науч. период. журнал. – Томск, 2006. – № 94. – Ноябрь. (Вопросы отечественной истории). – С. 44–61. – 0,75 п.л.

36. Дробченко, В.А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в марте – июне 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник Том. ун-та: Общественно-науч. период. журнал. – Томск, 2006. – № 90. – Октябрь. (Современные проблемы отечественной и всеобщей истории). – С. 24–37. – 0,75 п.л.

37. Дробченко, В.А. Трансформации сознания сибирского крестьянства в марте – октябре 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // История идей и история общества: Матер. III Всерос. науч. конф. – Нижневартовск, 2006. – С. 54–56. – 0,25 п.л.

38. Дробченко, В.А. Инженерно-технические кадры в Анжеро-Судженском каменноугольном районе в начале XX в. [Текст] /В.А. Дробченко // Вопросы отечественной и всеобщей истории: памяти профессора Л.И. Боженко: Сборник статей. – Томск, 2006. – Вып. 3. – С. 122–133. – 0,6 п.л.

39. Дробченко, В.А., Стасенко, Л.В. Сельское самоуправление в Томской губернии в марте – октябре 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко, Л.В. Стасенко // Вопросы отечественной и всеобщей истории: памяти профессора Л.И. Боженко: Сборник статей. – Томск, 2006. – Вып. 3. – С. 155–167. – 0,66 п.л.

40. Дробченко, В.А. Влияние демократизации армии на общественную жизнь в Сибири весной 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // История идей и история общества: Тез. IV Всерос. науч. конф. – Нижневартовск, 2006. – С. 53–56. – 0,25 п.л.

41. Дробченко, В.А. Сибирское общество в 1917 г.: выбор пути развития [Текст] /В.А. Дробченко // Наука, образование в системе культуры: Матер. IV Всерос. науч. конф.: «Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы». – Красноярск, 2006. – С. 57–60. – 0,33 п.л.

42. Дробченко, В.А. Анархисты в Кузбассе в марте 1917 – мае 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник филиала Кем. гос. ун-та в г. Анжеро-Судженске. – Томск, 2006. – Вып. V (Гуманитарные науки). – С. 20–24. – 0,3 п.л.

43. Дробченко, В.А. Участие кооперации в общественно-политической жизни Томской губернии в марте 1917 – мае 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко // Жизнь в

истории: К 100-летию со дня рождения профессора И.М. Разгона: Матер. Всерос. науч. конф. – Томск, 2006. – Сер. «Научные доклады». – Вып. 6. – С. 129–141. – 0,6 п.л.

44. *Дробченко, В.А.* Борьба за власть в Кузбассе в ноябре 1917 – мае 1918 гг. [Текст] /В.А. Дробченко // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Матер. Всерос. науч. конф. – Томск, 2007. – С. 174–188. – 0,74 п.л.

45. *Дробченко, В.А., Стасенко, Л.В.* Местное самоуправление в Западной Сибири в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко, Л.В. Стасенко // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Матер. Всерос. науч. конф. – Томск, 2007. – С. 188–207. – 1,01 п.л.

46. *Дробченко, В.А., Моисеев, К.А.* Информационные ресурсы по истории революций в Сибири [Текст] /В.А. Дробченко, К.А. Моисеев // Информационные технологии и математическое моделирование (ИТММ – 2007): Матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. (Анжеро-Судженск, 9–10 ноября 2007 г.). – Томск, 2007. – Ч. 1. – С. 40–43. – 0,18 п.л.

47. *Дробченко, В.А.* Православное духовенство Томской губернии в 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Хозяйственное и научное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв.: Сборник науч. трудов, посвящ. 15-летию общеобразовательного факультета. – Томск, 2008. – С. 104–107. – 0,15 п.л.

48. *Дробченко, В.А.* Новые походы к изучению русской революции 1917 г. [Текст] /В.А. Дробченко // Российское образование в XXI веке: проблемы и перспективы: Матер. III Всерос. науч.-практ. конф. – Томск, 2008. – С. 118–121. – 0,17 п.л.

49. *Дробченко, В.А.* Экономическое развитие Томской губернии в начале XX в. [Текст] /В.А. Дробченко // Вестник филиала Кем. гос. ун-та в г. Анжеро-Судженске. – Томск, 2008. – Вып. 7 (Гуманитарные науки). – С. 171– 82. – 0,82 п.л.